



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
КОЛЕБЕЛ

ПАВЕЛ МИРОТВОРЦЕВ

ПРИШЕСТВИЕ
ХИСПА

Павел Миротворцев

Пришествие Хиспа

Серия «Крейзи Хисп», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161880

Пришествие Хиспа: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2007

ISBN 978-5-93556-926-6

Аннотация

Герои бывают разные – люди, эльфы и даже вампиры. Бывают старые, бывают молодые, а также смелые, умные, красивые. Случается, что герои глуповаты и неказисты, но все равно они – герои. Но вот появился и такой, чья геройская натура довольно расплывчата, психическое и умственное состояние вызывает сильные подозрения, а поведение зачастую неадекватно. На Бога обиделся, со Смертью ругается и вдобавок ко всему живет «вне судьбы». Что можно ожидать от такого человека или, вернее будет сказать, не совсем человека? А ожидать можно многое и главным образом – непредсказуемое...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	61
Глава 3	104
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Павел Миротворцев

Пришествие Хиспа

Пролог

Знаете, у человека бывают такие дни, когда абсолютно все идет не так, как надо. Хотел попить чаю – ошпарил ноги и руки; пошел чистить зубы – кончилась паста, и щетка куда-то запропастилась; одевшись, хочешь закрыть дверь квартиры, но неожиданно выясняется, что ключи, которые всегда лежали в кармане, исчезли; пока искал ключи – опоздал на экзамен или работу, дотошный преподаватель поставил тебе неявку и назначил пересдачу, или начальник вlepил выговор и лишил премии.

Вот такой день был и у меня.

Нет, я не жалуясь, скорее, даже сам виноват, а точнее – моя любовь к чтению. За два дня до экзамена я скачал одну трилогию. В итоге не спал двое суток, все сидел и читал, хотя если бы нормально ел и спал, то куда меньше бы затратил времени на чтение, но не мог заставить себя оторваться. Результат: к экзамену, назначенному на семнадцатое января в девять утра, я был совершенно не готов. Хотя... если бы даже и не читал, то все равно почти наверняка не подготовился бы: такой уж у меня характер, мне даже шпоры лень писать.

В общем, книгу я дочитал за полчаса до начала экзамена и с чувством выполненного долга отправился проваливать экзамен по «вышке» (высшей математике), что исполнено было с большим успехом. Придя в университет, я с опозданием ввалился в аудиторию, что мне явно было не на пользу, о чем наш препод (точнее, профессорша) незамедлительно возвестила "городу и миру", а также о том, какой из меня выйдет некомпетентный сотрудник, но, разглядев мой совершенно неменяемый вид, полузакрытые глаза и безуспешные попытки подавить зевоту, она жестом отправила меня за первую парту, наверное, чтобы не упускать из поля зрения мой совершенно не просветленный лик. Профессорша объявила, что отводит на повторение еще десять минут, во время которых я прилагал все усилия, чтобы не захрапеть, дабы, как говорится, не разбудить ближнего своего. Видимо, это мне удалось не полностью, судя по тому, что меня растолкала сама Светлана Анатольевна, сказав, что такой наглости она еще не видела. Я же совершенно спокойно заметил, что если это так, то, придя в тот момент, когда я сдавал историю, она имела все шансы расширить свой кругозор до невообразимых пределов. На ее вопрос "Что это значит?" со всех сторон раздалось сдавленное хихиканье, грозившее перейти в дружный хохот. Все это в совокупности вогнало ее в небольшой ступор, так что вместо десяти минут мы просидели десять с половиной. Для нее это было вопиющее нарушение правил, хотя сама она абсолютно всегда опаздывает

на начало пары от тринадцати до четырнадцати с половиной минут (это время было выверено за полгода ее преподавания и ни разу еще не нарушалось). Не знаю, на что она конкретно разозлилась, но припомнила всем и все, вплоть до несделанной домашней работы. В результате допустила до экзамена от группы только десять человек, в том числе и меня, так как все работы я сдал, а допуск у меня имелся и более того – настоящий, как ни старалась Светлана Анатольевна доказать обратное. Где-то еще пять минут было потрачено на то, чтобы попробовать избавиться хотя бы еще от одного студента. Должен заметить, что из этих пяти минут четыре с половиной были посвящены полностью мне, но, так ничего и не добившись, она вынуждена была раздать вступительное задание, решив которое, получаешь уже задание для самого экзамена. С тупой безразличностью я решил его, мечтая о том, как приду домой и завалюсь спать. Наконец, настал момент истины: скрепя сердце, она выдала мне билет, посмотрев на который, я сначала решил все примеры, а затем, спросив, когда будет пересдача, под ее удивленным взглядом оделся, попрощался и отправился домой. Почему я ушел? Да потому! У нее такой порядок: сначала все решают и сдают свои задачи, на это отводится почти полтора часа, затем сорок минут надо околачиваться в коридоре и только потом отвечать устно. Я бы этого просто не пережил. Поэтому, когда девять моих сокурсников лихорадочно решали примеры, время было одиннадцать часов, а я уже крепко спал с блаженной улыбкой

идиота. Проснулся около шести часов вечера, раньше просто никто не смог до меня добудиться. Вернее, пару раз я просыпался от шума, но до вечера никто не решился извлечь меня из кровати, зато в упомянутое время одна очень наглая особа, по ошибке названная Андреем (долбаный сожитель), все-таки вынудила меня встать. Эта особь мужского пола вообще способна достать любого; правда, если не обращать на такие мелочи внимание, то человек – очень даже ничего, но бывают моменты... – хочется убить! Изничтожить!!! Или, по крайней мере, всячески травмировать! К счастью, подобных моментов по жизни случилось немного.

В общем, с большим трудом, но я все же поднялся и отправился в ванную. К сожалению, момент для водных процедур выбрал очень неудачный. Встав под душ, я расслабился... за что немедленно и поплатился. В нашем доме (как и во многих других) есть один существенный недостаток: если ты стоишь под душем, а соседи решили, скажем, набрать холодной воды из крана, то тебя мгновенно ошпарит. Конечно, есть большая вероятность того, что ты успеешь услышать внезапное изменение в шуме льющейся воды и вовремя направишь струю от себя в стену, но, как я уже сказал, в тот момент я совершенно потерял бдительность. И такое за время водных процедур произошло дважды, в результате чего из ванной комнаты я вылез жутко злой, с ошпаренным плечом и стуча зубами от холода. Настроения мне это совсем не прибавило, как и новости, что закончилась инет-карта, села

батарея на мобильнике, а после ее подзарядки оказалось, что на телефоне нет денег. Пришлось в срочном порядке одеваться и бежать по жуткому морозу за двумя карточками, а по возвращении домой повторно бежать в магазин за едой. Впрочем, зато избавился от необходимости что-то готовить. Правда, это стоило мне подвернутой ноги, синяка на руке и обеспечило переход моего настроения от состояния плохого до состояния отвратительного.

Но все бы ничего, если бы не обязанность передать небольшую посылку сестре. Ее поезд делал короткую остановку в городе, где я учился, и всего-то в полдвенадцатого ночи. Тепло одевшись и взяв с собой MP3-плеер (эмпэтришник), заряженный сотовый, любимый нож, я отправился на вокзал. Температура на улице к ночи все понижалась и понижалась, так что, когда я вышел из дома, она уже опустилась почти до минус пятидесяти, вдобавок дул легкий ветер, который при таком морозе просто обжигал. Так как денег у меня было только на обратную дорогу, то до вокзала пришлось топтать пешком, а это обычно занимало около двадцати минут. Хорошо еще, ветерок дул в спину, а не в лицо; правда, пришлось идти по сугробам и в темноте, поэтому туда я добрался лишь через полчаса и слегка промерзший. Пока стоял в ожидании поезда, все терялся в догадках, не ошибся ли днем встречи. Когда же подошел поезд, свою сестру в должном вагоне я не нашел. Высказав себе под нос все, что думаю об этом дне, отправился обратно к вокзалу, но

в этот момент поезд тронулся, я оглянулся и с удивлением увидел свою сестру в дверях тамбура двумя вагонами дальше. Единственное, что мне оставалось, – это только помахать ей ручкой, что я и сделал. Только подумал, что, может, не все так плохо, как выяснилось, что такси уже разобрали. Однако по этому поводу я не стал переживать, а, достав свой мобильник, принялся набирать номер заказа такси. И тут... Как только я нажал кнопку вызова, батарея моментально села, и телефон отключился, и сколько я ни старался его реанимировать, признаков жизни он не подавал. Мое лицо приняло, видимо, настолько обалдевший вид, что проходившая мимо бабка, сочувственно посмотрев на меня, сказала:

– Да не убивайся ты так, милоч, ишо помиритесь... – И, покачиваясь под тяжестью навьюченных на себя баулов, поковыляла дальше.

Слегка успокоившись, я как нормально мыслящий человек списал этот случай на пятидесятиградусный мороз. Тем более что к тому времени я окончательно замерз, а руки вообще превратились в ледышки. Зайдя на вокзал, я проторчал там двадцать минут в безнадежных попытках заставить телефон работать, но, так ничего и не добившись, сунул его в карман и, увеличив громкость музыки в наушниках, отправился обратно домой той же дорогой, что и пришел.

Впоследствии я гадал: что бы было, если бы я пошел домой другим путем? Случилось бы то, что случилось? Или я все же добрался бы до дома? Думаю, на этот вопрос ответа

не знает никто. Скорее всего, рано или поздно, но это произошло бы со мной в любом случае, живи я даже на другой стороне земного шара.

А произошло вот что.

Большая часть пути пролегалa вдоль рельс с одной стороны и бетонным забором с другой, а где-то на середине своего маршрута я должен был перейти небольшой мост, под которым пролегалa автомобильная дорога, – вот на нем-то все и случилось. Стараясь отвлечься от зверского холода, я вполголоса подпевал группе «Ария» и размышлял о том, что надо будет завтра занять у кого-нибудь денег, если родители не сбросят мне на карточку. В этот момент я как раз добрался до середины моста и, будучи полностью уверенным в том, что дорогу эту знаю наизусть, шел, совершенно не обращая внимания под ноги. Для меня стало полной неожиданностью, когда я обо что-то запнулся и, едва не сломав эмпэтришник, растянулся во весь свой немалый рост. Встав, с удивлением уставился на откуда-то взявшуюся палку. Решив обезопасить других, я ударом ноги отшвырнул ее подальше от прохода. Точнее будет сказать, попытался отшвырнуть – на самом же деле не смог ее даже сдвинуть с места, а когда повнимательнее пригляделся, опознал в ней корень какого-то дерева. Как он здесь очутился, я совершенно себе не представлял. Нерешительно постояв, я лишь пожал плечами и, развернувшись, стремительно зашагал в первоначальном направлении, но едва сделал три-четыре шага, как замер с

поднятой ногой. Передо мной неизвестно как и откуда очутился квадрат цветущей зелени примерно метр на метр, в центре которого вызывающе покачивалась одна-единственная ромашка. Причем, похоже, холод ее нисколько не заболтил.

Кстати о холоде. Я почувствовал, как вдруг стало неестественно тепло и как-то даже светлее, а все вокруг подернулось легкой дымкой. В непонятном и непреодолимом ужасе я шарахнулся назад и врезался спиной во что-то, от чего тут же с криком отскочил, а, повернувшись, увидел здоровенный цветущий дуб. От его вида я настолько обалдел, что нереальность всего происходящего до меня дошла далеко не сразу, зато, когда она дошла, то – окончательно и бесповоротно. В панике забыв, где нахожусь, я бросился бежать в ту сторону, где раньше были перила у моста, но вместо того, чтобы в них врезаться и, как положено, свалиться вниз, я бежал по густой и высокой траве; ни снега, ни холода, ни даже ночи больше не было – только чувство, что я прорываюсь сквозь мутную воду, которая старается меня поглотить. Я даже чувствовал, как она просачивается в самую сущность моего бытия, заставляя остановиться и ни о чем не думать, но паника, охватившая меня, была столь сильна, что я как сумасшедший рвался только вперед. Когда же я был уже готов подчиниться этой «воде», неожиданно меня будто выбросило из нее навстречу свету. Я бежал в разгар летнего дня от дубовой рощи по цветущему лугу, но когда до меня,

наконец, дошло, что я нахожусь где-то уже в другом месте, почувствовал резкое падение, болезненный удар, перед глазами полыхнула яркая вспышка, и сознание померкло.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно и неохотно: вроде уже очнулся, но открыть хотя бы один глаз было просто не в состоянии. Господи, как мне плохо – слабость, тошнота, голова раскалывается... Я что, заболел? М-м-м... нет, не помню такого, произошло что-то другое. Что-то произошло... что-то...

Что же произошло?!

Воспоминания хлынули сплошным потоком. Так... вроде пошел встречать поезд сестры, но ошибся вагоном... сел мобильник, не смог вызвать такси... а на обратном пути что-то случилось... ах, да, споткнулся... потом увидел ромашку... Что?! Какую ромашку?!.. Страх выдавил все остальные мысли, и секунду спустя я уже стоял на ногах, в ужасе озираясь по сторонам. Трава, яркое солнце, теплая погода и огромные зеленые деревья. На меня снова накатила волна слабости, в глазах потемнело, и с невольным стоном я упал на траву. Открывая снова глаза, изо всех сил надеялся, что это мне привиделось, и вот сейчас я увижу сугробы или перила родного моста, по которому совсем недавно шел... Нет, ничего не изменилось – все та же высокая трава, яркое солнце, теплая погода и деревья... Хотя нет, это – ДЕРЕВЬЯ, для объезда таких монстров понадобилось бы человек двадцать-тридцать. Мозг, лихорадочно просчитывающий все возможные

варианты, попутно отметил, что подобных деревьев в природе просто не бывает, мало того, что настолько большие в объёме, так просто непозволительно гигантские в высоту. Кажалось, что пики их верхушек пронзают облака и уходят еще выше... Впрочем, может, так и есть? Встав снова на ноги, я растерянно замер, не зная, что делать. Улегшаяся, было, паника опять стала нарастать и, чтобы отвлечь себя, я решил выяснить причину своего падения.

Как оказалось, этому поспособствовал обрыв метра в полтора высотой, вот с него-то я и навернулся. Аккуратно поведя руками по голове, я наткнулся на небольшую ранку рядом с правым виском: видимо, туда и пришелся удар. Хорошо, хоть живой остался, чуть-чуть бы правее и – все!..

Спустя еще минуту непрерывного оглядывания по сторонам, я вдруг уразумел, что мне жарко, причем настолько, что я уже пыхтел как паровоз. Перед выходом из дома я, естественно, защитился от мороза: поверх легкого трико напялил теплые спортивные штаны, на ноги – зимние кроссовки, а на тело натянул черную водолазку со свитером; из верхней же одежды на мне были и дубленка, и теплая шапка из лисьего меха. Теперь, простояв, а до того еще и пролежав черт знает сколько времени, под палящим солнцем, я, мягко говоря, стал испытывать определенный дискомфорт. Еще раз оглянувшись по сторонам и не заметив ни единого представителя разумной расы, как и любую другую живность, которая могла бы мне повредить, я поспешно принялся раздеваться.

На траву полетели шапка, дубленка, свитер, водолазка, после чего я, вытерев вспотевший лоб, скинул с ног кроссовки и разделся до трусов, стянув даже носки. Блаженно зажмурившись от наступившей прохлады и встав в полный рост, я поднял руки над головой и простоял так минуты две, давая время легкому ветерку осушить и остудить разгоряченное тело. Дав телу достаточно прохлады, я снова оделся в трико и натянул на ноги носки, после чего неохотно обулся в кроссовки. Все-таки они были зимние, и при такой жаре ходьба в них могла превратиться в настоящую пытку.

Затем попытался подвести предварительные итоги.

Итак, судя по всему, я угодил в какой-то гребаный фэнтезийный роман. Ну ладно, по законам жанра я сейчас должен стать невероятно крут... и, черт возьми, где меч-кладенец или еще какая крутая снаряга?! Одежда осталась при мне, а как насчет того, что было со мной из вещей? Нож нашелся валяющимся возле места моего приземления после падения, плеер канул в неизвестность, как и мобильник: они, скорее всего, выпали из карманов во время моего хаотичного метания по мосту. Значит, у меня остались только нож и немного денег, рублей так шестьсот. Ничего из вещей не превратилось чудесным образом в столь необходимые, как я полагал, меч и доспехи. Даже одежда и деньги не претерпели изменений. Это меня несколько обеспокоило, потому как если одежда, возможно, и имела призрачные шансы походить на местные шмотки, то в том, что здесь имеют хож-

дение наши российские рубрики, я сильно сомневался. По идее, рядом должен быть припаркован ожидающий меня чудо-конь с набитыми седельными сумками. Еще раз внимательно оглядевшись вокруг и не обнаружив желанной животины, я вздохнул с некоторой долей облегчения. С лошадьми я до сего дня дела не имел и, как на них ездят, а тем более – как их обихаживают, знал только теоретически – из фильмов и литературы. Все бы ничего, да только из этих же источников я знал и о неприятных ощущениях неопытных наездников и не горел желанием испытывать их на себе любимом.

Честно говоря, мои знания фехтовального искусства тоже были так себе. Правда, здесь дело обстояло получше, чем с верховой ездой. Я около года проходил в секцию по фехтованию, откуда меня с треском вышибли за драку с таким же, как я, учеником. Возможно, санкции, примененные ко мне, и могли быть менее суровыми, если б я не засветил эфесом в лоб тренеру, бросившемуся нас разнимать. Причем особое возмущение тренера вызвал, я думаю, не сам факт удара по его голове, а то, что я нанес этот удар, размахивая рапирой, как оглоблей, и держась не как все нормальные люди за рукоять, а двумя руками за противоположный эфесу конец. После годичных тренировок я научился вставать в стойку, красиво салютовать сопернику и у меня появилось в некоторой степени то, что называют чувством противника. Кстати, очень полезная фишка, позволяющая по незначительным признакам оценивать соперника, а при наличии

опыта – предугадывать его действия. Кроме обычных тренировок, наш тренер, фанат всего колюще-режущего, заставлял нас изучать историю холодного оружия.

Однако ладно, думаю, хватит воспоминаний, нужно определяться с тем, что имеем здесь и сейчас, а точнее с тем, что почти ничего не имеем. Значит, так: коня нет, ну и черт с ним, меча, доспехов и денег тоже нет. Полный облом! Ага, понятно, если мечей и доспехов не наблюдается, то, возможно, я – маг? Воодушевленный этой идеей, я тут же решил проверить ее на практике. Грозно нахмутив брови, набрал полную грудь воздуха, простер руку в сторону ближайшего куста, сконцентрировал, как описывалось в прочитанных мной романах, энергию и выпустил ее через руку, желая кусту исчезнуть. Но означенный куст отнесся к моим потугам наплевательски, а вот я снова испытал всю гамму неприятных ощущений в виде слабости, тошноты и головокружения. Потерпев неудачу с упрямым кустом, тем не менее, я решил не сдаваться и продолжить упражнения в магии. Выбрав новым объектом эксперимента пичугу, очень кстати севшую на ветку, которая находилась почти над моей головой. Повторив уже описанные действия, я мысленно приказал птичке перелететь с ветки мне на руку. Результат на этот раз был... Был! Это гнусное пернатое с полнейшим безразличием к моей персоне развернулось на 180 градусов и уронило из-под хвоста какашку, которая закончила свое падение именно у меня на руке. Если бы это произошло не со мной или пусть

со мной, но в другой ситуации, я, конечно, не стал бы реагировать столь бурно, возможно, даже с удовольствием посмеялся бы. Но поставьте себя на мое место. Вот он я, стою в лесу, который состоит из деревьев безумных размеров, без оружия, без доспехов, без денег и без каких-либо способностей, зато в шмотках не по сезону, и, естественно, из-за этого паршиво себя чувствую. Одним словом, оказался в чужом мире с пустыми руками. Хотя нет, не с пустыми, спасибо этой сволочи в перьях. Вот тут-то на меня накатило. Страх, ярость, ощущение безысходности – все это вылилось в дикую истерику. Я метался по поляне, пинками разбрасывая одежду и издавая нечленораздельные звуки. Когда дар речи вернулся ко мне, я остановился и заорал:

– Какая сволочь меня в это втравила?! Какой гад меня сюда перенес?! Хочу домой!!! Где ты? Покажись, тварь, – урою!!! Выходи, гнойный пид...

Тут громыхнуло, да так, что я аж присел. Истерика закончилась в мгновение ока, как будто ее и не было. В голове гудело, как в колоколе. У меня возникла необъяснимая уверенность, что грохотало только в моей голове. Поднявшись, я отправился собирать одежду.

– Хоть бы денег подкинули, жмоты, – пробормотал я.

Грохнуло снова, но как-то помягче, добродушной. Я испуганно заозирался, но ничего больше не происходило.

– Ясно, пошли глюки.

Когда я поднимал дубленку, она показалась мне странно

потяжелевшей, и, действительно, в кармане нашелся увесистый кожаный мешочек, напоминающий крупный, размером с два моих кулака, кисет. С трудом развязав шнурок, стягивающий горловину мешочка, я обнаружил в нем золотые монеты.

Вот и не верь после этого в приметы, – подумал я, покосившись на птицу, щедро пометившую мою руку. – А ведь говорят, что не в деньгах счастье.

Ладно, это, конечно, не густо, но все же хоть что-то, чем совсем ничего. Ну, не выгорело стать воином или магом, можно попробовать – купцом. Хотя проживем-увидим. Теперь надо решить, что мне делать дальше? Вывод напрашивался сам собой: надо было идти... Вот только куда? В какую сторону?

Медленно и внимательно оглядев окружающую местность, я понял, что выбора-то практически нет. С трех сторон от меня был лес, над которым произдевался какой-то психованный биолог и в который мне совершенно не хотелось идти, в результате чего осталось только одно-единственное доступное мне направление. Посмотрев на небо и не найдя каких-либо признаков, вроде грозowych туч, которые бы указывали на скорое похолодание, я припрятал большую часть одежды на месте своего падения и, взяв нож в руку так, чтобы он, в случае чего, остался максимально долго незаметен, зашагал в явно навязанную мне сторону. Во время этого нехитрого путешествия я всеми силами старался доказать

себе, что это – просто сон и стоит только ущипнуть свою руку, как проснусь, и все будет хорошо. К сожалению, моим мечтам не суждено было сбыться: как бы я себя ни щипал, как ни уверял и всячески доказывал, что вижу сон, проснуться я так и не смог.

Вскоре я выбрался на дорогу. Нет, скорее не дорогу, а жалкую пародию на оную. Такие обычно бывают в деревнях, когда по ним ездят только всадники да изредка телеги с сеном.

– Только этого не хватало, – бурчал я тихонько. Нет, как представителю среднего класса мне всегда хотелось все бросить и попасть в такой мир, где нет оружия, способного уничтожить все живое на земле за каких-то несколько часов или – просто убить за несколько километров; где нет всех этих пистолетов, автоматов, гранат, от которых никуда не деться... Во времена рыцарей всегда оставался шанс: если на тебя напали, всегда была возможность защититься и выжить, в нашем же современном мире сделать это очень сложно. Если в тебя стреляют с расстояния в пару метров, то увернуться просто нереально.

Впрочем, и Средневековье недостатков имело предостаточно. Хотя бы те же примитивные законы, не менее примитивные человеческие права, а точнее, отсутствие этих прав, условия жизни, рабство и множество других не менее «приятных» вещей, которые в двадцать первом веке уже давно отсутствуют или намного улучшены.

Вот под такие размышления я и шагал, втайне надеясь, что путь будет не слишком дальний. Через некоторое время мне перебежал дорогу какой-то странный зверек, вроде бы, собрат обычной белки, но в тоже время совершенно не похожий на оную. Зверек был раза в три покрупнее, цвета хаки и плюс к этому имел какие-то неестественно длинные клыки. И он, похоже, даже не перебежал, а вальяжно перешел слабо наезженные колеи. На всякий случай я придержал себя от него подальше, что-то уж больно расслабленный вид он имел, чем совсем не походил на пугливого зверька – так, наверное, ходят львы по своей территории.

Больше странной живности мне на пути не попадалось. Перепархивали с дерева на дерево самые обыкновенные птицы, мелькнула в кустах настоящая антилопа, хотя, может, это была и лань (как-то зоологией не увлекался), суетились там и сям всякие мелкие зверушки, обычные для нашего мира. Ландшафт тоже ничем примечательным не отличался, если не считать уже упомянутые мною гигантские деревья, – все остальное походило на обычную сельскую местность. Миновал я несколько полей, засеянных пшеницей, пару раз прошел мимо пасущихся коров, что придало надежды на скорую встречу с местными жителями. Только вот при попытке найти пастуха я наткнулся на парочку до ужаса здоровенных псов, которые, однако, по непонятной причине, только завидев меня, поджали хвосты и скуля поползли навстречу. С некоторой опаской я их погладил, но пастух так и не объ-

явился. Видимо, вместо него и были эти собаки. Когда я опять вышел на дорогу, то за мной, весело перелаиваясь, неслась уже целая их свора, впрочем, проводили они меня недалеко. Как только стадо скрылось, они, всего меня облизав, умчались обратно на свой пост. Такие вот оказались добродушные животные. Лишь впоследствии я узнал, что порода этих собак была куда смертоносней любых волков в нашем мире.

Дальше я продолжил путь снова в одиночестве, но оно закончилось быстро и неожиданно. Зато стало темно и больно. Чем бы и кто бы ни шарахнул по моей многострадальной голове, сделал он это очень сильно. Придя в себя, первое, что я увидел, было: какая-то туша упорно пыталась снять с меня кроссовку, но вот шнурки развязать почему-то не догадалась. Лежа на земле и как-то совершенно безразлично поглядывая на детину, я пытался понять, почему он не развяжет шнурки. И вдруг до меня дошло, что снимает-то он МОЮ обувь и снимает С МЕНЯ. «Озарение» это совпало с моментом, когда детине надоело попусту терять время, и он, достав откуда-то из-за спины большущий топор, стал пристраивать мою ногу на так удачно торчащем корне ближайшего дерева. Поняв, что он хочет сделать, я, дико заорав, захватил его ногой по проблемному месту всех мужиков. Детина, не ожидавший от меня такой подлянки, громко вскрикнул и, схватившись за пострадавшее место, повалился ничком на траву. В мгновение ока оказавшись на ногах и под-

хватив с земли какую-то палку в качестве оружия, я едва не потерял сознание. Видимо, во время перехода все же что-то произошло (кроме, разумеется, самого перехода и последовавшего за ним моего падения с обрыва) – уж больно я себя хреново чувствовал (а тут еще эта туша!). Тем не менее, надо было действовать. Одного взгляда на стонущего мужика хватило, чтобы понять первую возникшую проблему на моем пути к благополучию в этом мире, а именно – проблему одежды. Дитина был одет в какую-то серую одежонку из непонятной ткани, которую даже при сильном воображении никак нельзя было сравнить с моей.

– Баш на баш, – произнес я и заехал палкой мужику по голове, по тому месту, в которое учил нас бить учитель в фехтовальной школе, хотя тогда это было скорее «внеклассное» занятие. Дитина, на этот раз не издав ни звука, распластался на земле.

– Вот теперь мы квиты, – удовлетворенно качнув головой, прокомментировал я свой удар, после чего, еще раз окинув взглядом мужика, добавил: – Хотя, в качестве моральной компенсации и за нанесенный тобой ущерб моей голове, а также за психическую травму, полученную мной в связи с покушением, опять же на мою, драгоценную ногу, я конфискую у тебя всю имеющуюся в наличии одежду. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

Честно говоря, никогда бы не подумал, что раздевать бессознательного человека настолько трудная задача. Но, тем не

менее, минут через двадцать детина остался полностью голый. Только не подумайте, будто я такой изверг, что стянул с него даже трусы – их бы конечно же оставил, но вот только этого предмета одежды на мужике просто не было, впрочем, как и носков.

Когда я стал примерять на себя конфискованную одежду, выяснилось, что детина не такой уж и большой. Я кое-как влез в его штаны, правда, ремень пришлось застегивать на самое первое отверстие, а вот с рубахой вышла маленькая неприятность. Надеть-то я ее надел, но стоило мне нагнуться за жилеткой, как раздался треск рвущейся ткани, в результате чего я остался без вышеупомянутой части вновь приобретенного гардероба. Зато совершенно по-другому обстояли дела с сапогами. К моему удивлению, они были довольно-таки эластичны, и ноге в них было комфортно и прохладно. Едва я присмотрелся к ним повнимательнее, как в голову пришла одна мысль. Решив ее проверить, я наклонился и легонько провел рукой по голенищу, подтверждая свою догадку, что это – змеиная кожа. Но тогда... Тогда каких же размеров здесь змеи, если из них делают цельные сапоги?! Причем у меня была непонятная уверенность, что это далеко не самая крупная, скорее, одна из самых маленьких. Откуда я это знал? Просто знал и все. Тем более в тот момент у меня жутко болела голова, и меньше всего мне было дела до непонятно откуда взявшихся знаний.

Окинув взглядом уже начавшего приходить в себя мужи-

ка, я на всякий случай той же палкой еще раз врезал ему по тому же месту.

– В чисто воспитательных целях, – оправдал я себя непонятно перед кем.

Оставив мужику в качестве компенсации за второй удар свою одежду, я продолжил путь.

Однако, спустя примерно пятнадцать минут неторопливой ходьбы я осознал одно весьма прескверное обстоятельство. Еще чуть-чуть и тогда либо у меня взорвется голова, либо я убьюсь все той же головой об ближайший для этого подходящий камень, потому что просто терпеть ТАКУЮ боль уже не было сил. Было совершенно непонятно, что стало причиной ее появления. То ли вследствие удара обухом топора по моей черепашке, то ли это было как-то связано с переходом и последовавшим падением... или причиной стало как первое, так и второе, взаимно усиливая друг друга.

Решив немного передохнуть, я уселся в тени небольшого деревца, грозившего через какое-то время вымахать до размеров тех исполинов, которые я уже имел «удовольствие» лицезреть. Полчаса блаженного ничегонеделанья, и я снова отправился в путь. Головная боль немного улеглась, в результате чего мое настроение приподнялось, а душевное состояние приобрело хоть какое-то спокойствие. Но, как вскоре выяснилось, расслабился я рановато. Не успел отшагать и километра, как из кустов, растущих вдоль дороги, прямо мне под ноги выкатился маленький человек. Причем я не успел

затормозить (точнее, из-за чугунной башки я сам тормозил и просто не успел среагировать на появление этого коротышки), в результате чего навернулся об этого карлика. Карлику, кто бы он ни был, это очень не понравилось. В тот момент я даже порадовался, что ни слова не понял из того, что он мне наговорил. Были подозрения, причем весьма основательные, что цензуру его речь не прошла. В довершение же своей недовольной тирады он заехал мне по башке непонятно откуда взявшейся тростью. Видимо, именно этот удар стал в тот день роковым, потому что последнее мое воспоминание было связано именно с ним, дальше была лишь темнота.

Очнулся я, по-видимому, очень нескоро, но, когда это произошло, то ни головной боли, ни тошноты уже не было. Куда-то пропал и лес. Вместо него глазам явилась маленькая, уютная комнатка. В комнатке, помимо кровати, на которой лежал я, был лишь ковер с толстым ворсом и полностью бордового цвета без каких-либо рисунков, ну и еще небольшое окошко.

Понимая, что, пока я не выйду из комнаты, ничего нового не узнаю (допустим, как именно попал сюда и где это «сюда» вообще находится), я встал с постели, хотя точнее будет сказать – упал. Приподнявшись сначала на колени, а потом уже с помощью кровати поднявшись на подламывающиеся ноги, я с удивлением уставился на них, будто впервые увидел.

Полностью обнаженный, ухватившийся двумя руками за

кроватьную спинку и изумленно глядящий на свои дрожавшие (а ведь они у меня не дрожали и после ста приседаний) ноги – именно в таком виде я и предстал перед вошедшим коротышкой. Впрочем, этот типчик тоже выглядел не ахти как. Белая всклокоченная борода до колен, совершенно лысая голова, непонятная одежка мешковатого вида (хотя при развитой фантазии в ней можно было узнать все ту же серенькую убогость, которую я сам «позаимствовал» у своего незадачливого грабителя), маленький рост (метр с кепкой в прыжке над стулом) и совершенно безумный взгляд выцветших глаз. На его фоне даже я выглядел вполне пристойно, несмотря на то, что был полностью голый.

Не успел я сформулировать какой-либо вопрос, как он сам заговорил, и я опять ни черта не понял. Хотя кое-что все же заметил. Язык, на котором он говорил, был вполне мелодичен, я бы даже сказал – красив, если, конечно, такое вообще можно сказать в отношении языка. Также создавалось ощущение, что он состоит из множества других языков, причем из моего мира. Насколько я помнил, в моем мире то ли была попытка создать единый язык, то ли это чистый вымысел фантастов, но назывался он эсперанто. Я никогда не слышал, как на нем говорят, но если он все же существовал и «выглядел» точно так же, как тот, что я услышал из уст старика, то я бы очень хотел, чтобы все люди на нем говорили. Он был просто приятен слуху. Мне тут же страшно захотелось его выучить, причем я почему-то был уверен, что лег-

ко его освою. Хотя, честно, знать не знал, откуда появилась такая уверенность в своих силах. Но пока что, не слишком надеясь на успех, я спросил по-русски:

– Кто вы?

Как и следовало ожидать, старик лишь удивленно посмотрел на меня, явно озадаченный тем, что я сказал.

– Понятно... Доверительного разговора не получится.

Еще раз внимательно посмотрев на старика, который точно так же посмотрел на меня, я попробовал по-другому. Ткнув себя в грудь, я произнес:

– Меня зовут... м-м-м... – называть свое настоящее имя мне не хотелось: другой мир – другая слава, – так что надо было придумать ему замену. Впрочем, с именем проблемы не будет, оно уже есть: меня в нашем мире частенько называли психом, можно использовать анаграмму – Хисп – так однажды друзья пошутили. А вот фамилия... скажем, Крэйзи? Раз буду психом, так почему бы не быть Сумасшедшим Психом (хотя слово «крэйзи» можно перевести по-разному, но остановимся на таком варианте)? – Пусть будет так: меня зовут Крэйзи Хисп.

Видя, что он не понял, я снова начал тыкать в себя пальцем и повторять как попугай:

– Крэйзи Хисп, Крэйзи Хисп...

Наконец, до него дошло. Ткнув себя в грудь, как и я, он на своем певучем языке произнес:

– Нека Занглиф. Нека Занглиф.

От его имени я немного опешил, но, взяв себя в руки, спокойно сказал:

– Очень приятно познакомиться.

Естественно, он опять ничего не понял. М-да... общаться будет трудно. Показав опять на себя, я постарался изобразить одежду. Видимо, у меня получилось. Выйдя на минутку из комнаты, он притащил мне мои вещи. Буквально выхватив у него из рук сверток, я принялся спешно одеваться. Скрыв наготу, сразу почувствовал себя увереннее. Вот только кое-чего не хватало. Подозрительно посмотрев на старика, я вопросительно потер друг о друга большой и указательный палец. Этот жест, по-видимому, был в обоих мирах одинаков. Хлопнув себя по лбу и что-то проговорив, дедок опять выбежал из комнаты и вернулся обратно уже с моим мешочком. Развязав тесемки, я заглянул внутрь. Если он и взял денег, то совсем чуть-чуть. Переведя взгляд обратно на Занглифа, я увидел, что он насмешливо наблюдает за моими действиями (хотя понять, что в его глазах отражается именно насмешка, а не жажда крови, мне удалось с некоторым трудом). По мне, так ничего смешного я не делал. Все-таки это мое самое ценное имущество. Затолкав мешочек в карман, я вызывающе посмотрел на этого типчика. Тот, прищурив один глаз, этак оценивающе глянул на меня, после чего поманил пальцем за собой. Несколько обескураженный всем происходящим, я послушно поплелся следом за ним, но, едва я сделал шаг за порог комнаты, как, обалдев, замер на ме-

сте. Видимо, жилье этого старикашки состояло всего из двух комнат, причем спальня была спальней, а все остальное находилось в другой комнате. Этаким вигвам на современный манер, коммуналка, блин. Благо хоть помещение было достаточно большим, чтобы вместить в себя небольшую библиотеку, камин, какой-то алтарь со стоящими на нем оплавленными свечами, кухню и, судя по всему, место, где старикашка проводил основную часть своего времени, – кресло-качалку. Она стояла на относительно свободном пятачке напротив горящего камина, и рядом с ней находился газетный столик, на котором в данный момент лежало несколько книг, а поверх них стояла корзина с пряжей и спицами.

Пока я, раскрыв рот, разглядывал комнату, старик зря времени не терял. Деловито расчистив место посреди помещения, из-за чего пришлось потеснить кресло, столик и несколько тумбочек, понатыканных по всей комнате без всякого порядка. Освободив таким образом пятачок, он скатал ковер, который я даже не заметил под всей этой мебелью, после чего принялся чертить мелом на открывшихся досках. Чертил он минут двадцать, так что я успел заскучать. Разобраться в его художествах я не мог и даже понятия не имел, что они хотя бы приблизительно могут обозначать, а в том, что он писал, и вовсе видел сплошную абракадабру. К моему сожалению, аналогичная абракадабра была и в книгах, в которые я заглянул из естественного любопытства; в общем, не найдя, чем себя занять, я с кислой миной на лице

принялся созерцать потуги старикашки нарисовать какой-то особый вид электронных облаков, который я, помнится, изучал еще в школе. Схожесть была, конечно, очень и очень поверхностной, но, кроме этих облаков и «бабочки», которую надевают на шею вместо галстука, мне больше на ум ничего не приходило.

Наконец, старик закончил. Опять поманив меня пальцем, он указал в центр рисунка, как раз туда, где был начерчен относительно ровный круг. Беспрекословно подчинившись, я с ожиданием уставился на старикашку. Может, в этом мире есть магия и сейчас он будет колдовать? Этот же рисунок – наверное, какой-то вид пентаграммы, с помощью которого и происходит все колдовство? Проследив, как старик встал с краю круга и поднял над собой руки, я с нетерпением стал ждать чего-то особенного... И дождался, идиот. Резко вспыхнул свет, ослепительный, просто уничтожающий. Раскаленной иглой он прошелся по нервам и, казалось, пробил себе выход у меня на затылке. Все померкло...

Когда же зрение вернулось, то первое, что увидел, были доски пола. То есть я лежал лицом вниз. Кое-как перевернувшись на спину, я еще немного повозился, усаживаясь на задницу. Оглянулся. Старика нигде не было видно. Немного посидев, собрался и достаточно легко поднялся на ноги. Для верности простояв с минуту, уже уверенной походкой я вышел через дверь на улицу.

Безумный старикашка оказался здесь. Он как раз закон-

чил оседлывать лошадь. Оглянувшись по сторонам и поняв, что избушка стоит почти посреди чистого поля, я двинулся к хозяину, но, подойдя, не успел ничего сказать, как он зарорал на меня каким-то визгливым голосом, который никак не ассоциировался с тем певучим языком, что я от него уже слышал. К моему удивлению, я понял, что он мне проорал:

– Во-о-о-он!!! Во-о-о-н, я сказал!!! Садись на лошадь и чтоб духу твоего здесь больше не было! Деревня там! – Махнув рукой в сторону заходящего солнца, он отошел к двери дома и, сложив на груди руки (при этом запутавшись пальцами во включенной бороде), старик грозно нахмурил брови и уставился на меня, ожидая, пока я уйду. Некоторое время я растерянно переводил взгляд со старика на лошадь и обратно. Ездить верхом я, честно говоря, не умел (впрочем, это я уже где-то упоминал). Даже никогда не сидел на лошади, а тут на тебе – садись и езжай. Но я так и не смог понять, почему повел себя именно так, как повел. Как мне в голову взбрела эта идиотская идея – показать себя опытным конником?! Единственным объяснением может служить избыточное количество ударов, пришедшихся на мою голову, и, вообще, все произошедшие события.

Пока я направлялся к новому для меня средству передвижения, перед глазами стояла картинка из недавно просмотренного фильма с лихо, не касаясь стремян, взлетающими в седло ковбоями. Когда я подошел к лошади, которая стояла с совершенно индифферентным видом, напоминая йога,

впавшего в нирвану, план эффектной посадки был готов. Я собирался, схватившись за луку седла, подпрыгнуть, выкидывая правую ногу вверх и добавив усилие руками, взмыть по красивой дуге в седло. На мой взгляд, план был великолепен. Однако он не учитывал некоторые незначительные детали, а именно: – росту во мне было под метр девяносто, вес за восемьдесят килограммов, да и силушкой я, мягко говоря, не обижен. И что получилось? Подошел. Взялся за луку. Чуть присел. Толчок. Рывок руками. Разворот корпуса. Ноги – обе! – уходят вверх. Почти вертикальная стойка. Теперь смотрим вниз на лошадь и, подкорректировав траекторию... Господи-и-и!.. Не ожидавшая от жизни сюрприза в виде мощного рывка луки седла в сторону, кляча сделала боком несколько шагов, запуталась в своих ногах и рухнула на землю; я же в крутом пике вонзился рядом.

Когда я снова адекватно стал воспринимать действительность, перед глазами предстала следующая картина. Старик с причитаниями: "Убил изверг мою родную-у-у!.." и "На кого ж ты меня покинула-а-а?!" – тянет за повод, пытаюсь поднять клячу, а та косит на него обалдевшими глазами и не делает ни малейшей попытки поспособствовать хозяину.

Собрав себя по кусочкам, я встал и направился к ним, чтобы предложить свою помощь и извиниться перед убитым горем стариком. Тут эта животина заметила мое приближение. Уж не знаю, что именно она возомнила, но, думаю, посчитала, что я сумасшедший и могу покусать ее, бедную и несчаст-

ную, а проверить на своей шкуре, какую заразу можно подхватить от этого долбаного парня, то есть от меня, желая у нее, разумеется, не было. Взгляд клячи стал совершенно обезумевшим. Она издала невообразимый звук, что-то среднее между храпом и визгом, и, буквально катапультировавшись в вертикальное положение, с невероятной скоростью рванула вдаль, на глазах стягиваясь в точку. Одуревший от этой картины старик повернулся ко мне и с безмерным удивлением в голосе сказал:

– Слышь, она ж, стерва, даже молодой так не бегала.

– А я вообще не видел, чтоб какая лошадь так скакала. Ее сейчас и на жигулях не догонишь, – честно ответил я, причем, к моей удивленной радости, на языке, что мне так понравился.

– А, ладно, сама потом вернется, – махнул рукой старик. Потом он, видимо, вспомнил, с кем разговаривает, и, вытаращившись на меня, снова заорал: – Пшел отсюдава! Чтoб духу твоего здесь не было!!

Развернувшись, он зашел в дом, громко хлопнув дверью, тут же послышался звук задвигаемого засова. Больной старикашка. Пожав плечами, я спокойно двинулся в указанную ранее сторону. До деревни, наверное, не так уж и далеко.

Как ни странно, я оказался прав: где-то через час показалась деревня. Я постоял на пригорке, разглядывая ее. На вид она несильно отличалась от деревень моего мира, хотя, кроме полного отсутствия электричества и техники, были и

свои особенности, бросающиеся в глаза. Например, некоторые дома выделялись своей, так сказать, странностью. Одни были на вид индейские вигвамы, другие выглядели как шатры, третьи напоминали армейские палатки, но в большинстве своем – дома как дома. Люди – и мужчины, и женщины – были в довольно однообразной одежде, в общем-то, мало отличающейся от моей. На улице их было немного, все чем-то заняты; вокруг домов носились дети, убегая от собаки той же породы, что и встреченные мной на пастбище. Наверное, играли. Несколько женщин стирали белье в речке, которая протекала почти вплоты к домам, там же плескалась другая часть деревенской ребятни. Слышались удары чего-то тяжелого по железу, и я сделал вывод, что неподалеку находится кузница, и тут, будто в подтверждение моих мыслей, из одного шатра вышел красный, как рак, мужик в черном фартуке – мне это было видно даже с того расстояния, на котором я находился. Подойдя к речке, он зачерпнул двумя руками воды и облил себя с головы; повторив эту процедуру пару раз, он опять вернулся в свой шатер, и тут же снова слышались удары кузнечного молота.

Но вся эта идиллия была нарушена в мгновение ока, стоило мне подойти к околице.

Как я понял, меня давно уже заметили, и все были настороже, так что стоило мне приблизиться, как с улиц будто выдуло женщин и детей, зато вдоволь стало мужиков, вооруженных в основном мечами. Присмотревшись, я решил, что

они железные и стальные, какие были распространены в наше Средневековье, приблизительно до шестнадцатого-семнадцатого века. Они были явно грубой работы и не имели даже намека на крестовины, защищающие руки в бою. Возможно, их ковал тот самый краснолицый кузнец, которого я уже имел честь лицезреть. Еще у нескольких я заметил цепи, а у двоих были простые луки, с наложенными стрелами, причем они не тратили сил на то, чтобы взять меня на прицел, как, в моем представлении, должны были бы сделать... Что-то больно воинственные крестьяне, то ли их кто-то учил, то ли здесь все такие? Может, есть от кого обороняться? Мне стало интересно. Я старался просчитывать варианты бегства и обороны, а также подмечал степень готовности людей к схватке. Вон тот мужик с большой бородой слишком напряжен и может либо поздно среагировать на атаку, либо, наоборот, броситься на меня в любой момент... Еще один, рядом с ним, боится, а этот вообще еще юнец и только учится, зато решимости хватит на четверых... Белобрысый с луком явно хорошо подготовлен; лучники, видимо, были неплохими охотниками до того, как их научили стрелять в людей...

И так я проанализировал абсолютно всех буквально за несколько секунд, а их собралось человек сорок. Последнее, что я с удивлением отметил, так это то, что самый высокий из них был где-то на голову меньше меня, а про остальных и говорить нечего. Кто бы мог подумать! Не сдержавшись, я ухмыльнулся во все свои тридцать два зуба (чуток поменьше,

конечно, но в этом виноваты конфеты и стоматолог!). Мою усмешку поняли совсем не так, как я хотел, точнее, я совсем не хотел, чтобы ее как-то понимали. Из вполне собранных мужчин, можно сказать, воинов, которых я опасался, они вдруг стали просто испуганными крестьянами. Только некоторые сдержали маску угрозы на лице, впрочем, может, и не маску, а действительно они ничуть меня не боялись. Хотя не скажу, что я такой уж страшный, даже совсем наоборот – в обычном состоянии выгляжу очень дружелюбным и добродушным, а выведенным из себя меня видели только несколько моих друзей. Вот тогда – да, в такие моменты от меня надо держаться как можно дальше, могу и прибить... Но сейчас я совершенно не понял, чего они испугались? Только я хотел продемонстрировать мирность своих намерений, как из толпы ко мне, практически стелясь по земле, виляя хвостом и прижимая уши к голове, выскочила та самая собака, которая не далее как десять минут назад весело гонялась за детьми. Подбежав, упала брюхом прямо на мои ноги и призывно вильнула хвостом, прося ее погладить. Естественно, я и погладил, тем более что всегда любил животных, но, похоже, именно покорность собаки только усугубила положение, так как теперь крестьяне начали от меня пятиться. Стараясь хоть как-то их успокоить, я шагнул к ним и, улыбаясь, сделал мирный жест, выставил перед собой руки ладонями вперед. Это был исконно мирный и дружелюбный жест, означающий, что злых намерений у человека нет. Но именно он

и стал последней каплей. Крестьяне, завопив во весь голос, дружно ринулись от меня, сбивая друг друга и все, что попало у них на пути. Я же стоял, совершенно обалдевший. Именно поэтому не сразу заметил, что тот юнец, которого я охарактеризовал как ученика, но с решимостью на четверых, все еще продолжал стоять напротив меня, держа трясущимися руками свой меч. Решимости у него осталось ровно на одного, да и та уже подходила к концу. Немного отойдя, я решил не повторять своей ошибки, так что просто произнес:

– Здравствуй.

Ноль реакции; меч, правда, стал трястись поменьше. Я решил еще раз попробовать:

– Здравствуй. Ты меня понимаешь? Понимаешь, что я говорю?

Сначала я подумал, что парень ни черта не понимает, но затем в знак согласия он легонько кивнул головой. Меня это так обрадовало, что я поспешно сделал два шага вперед, протягивая руку для приветствия, но тот отошел на эти же два шага, а затем срывающимся голосом прокричал:

– Не подходи ко мне!

Я замер, не зная, что делать. Еще раз, оглядев его с ног до головы, я понял, что он далеко не юнец, скорее даже старше меня. Так мы простояли где-то с минуту. Заметив, что у моего новоявленного знакомого меч перестал трястись совсем, я решил предпринять еще одну попытку контакта:

– Слушай, почему бы тебе не успокоиться? Давай пого-

ворим? Я ничего плохого ни хочу сделать, – я говорил медленно, как с непонятливым ребенком, но, пожалуй, с ними только так и надо.

– А откуда я знаю, что ты не... – тут он выдал совершенно непристойную вещь. Самое ближайшее, что я смог бы выговорить, так это что-то вроде «эхербиус». – Чем докажешь, что ты не один из них?

– Чем докажу? Хотя бы тем, что представления не имею ни о каком, ни о каких... э-э... эхербиусе или эхербиусах? Это что за зверь такой?

Видимо, я сказал что-то не то, так как лицо моего собеседника приняло удивленно-обалдевший вид. Зато причина выяснилось довольно быстро:

– Ты не слышал об эхербиусах?! – потрясенно воскликнул он, впрочем, его лицо тут же приобрело подозрительно выражение. – О них знают все.

Я лишь развел руками.

– Я жил в глуши, поэтому ничего не знаю и ничего не слышал ни о каких таких эхербиусах. Может, ты все же опустишь свой меч и посвятишь меня в страшную тайну этих существ? Клянусь, что ничего плохого делать не буду – ни тебе, ни твоим друзьям, да вообще никому. Я очень мирный человек и проблем мне не надо...

В продолжение этого монолога я тихонько подходил к нему, стараясь казаться самым безобидным и маленьким. Правда, если первое мне удалось с достаточным успехом, то

со вторым я потерпел полное фиаско. Как бы я ни старался, он все равно был намного ниже меня, не доставал даже до плеча. И меч его с такого близкого расстояния выглядел неестественно маленьким, можно сказать, большим кинжалом моего мира. Это может стать проблемой: я и среди своих-то был высоким, а здесь вообще представляюсь гигантом.

Тут мой «собеседник», наверное, заметил, что я стою совсем близко к нему и ничего для него опасного не делаю. Очевидно, что-то про этих эхербиусов рассказывали такое, чему я, к счастью, не соответствовал. Его мысли и чувства читались как открытая книга, он боялся меня, злился из-за этой боязни на себя, был удивлен, расстроен и мучительно решался на то, чтобы заговорить со мной. Выглядел он при этом как нашкодивший десятилетний ребенок, который пытался рассказать о своей пакости строгому отцу и ужасно нервничал из-за последствий. Наконец, решимость все же победила, и он, как ему казалось, уверенным движением бросил меч в ножны и заговорил со мной мужественным голосом. На самом же деле он едва не разрубил себе ногу, а голос был, как у тринадцатилетнего подростка:

– Эхербиусы – это жуткие люди, без каких-либо чувств, они очень сильные, ловкие и беспощадные. Они живут по своим очень жестоким законам, говорят, что они работают на гильдию наемных убийц. И если такое чудовище приходит в деревню, то там не остается ничего живого, а людей они убивает самым жестоким образом!..

Все это он чуть ли не прокричал мне в лицо. Его голос с каждым словом становился все тверже и увереннее, в нем появилась этакая нотка восхищения, из-за чего у меня возникло подозрение, что он не прочь и сам стать таким же «чудищем». Только вот во всем этом рассказике я заметил одну маленькую неувязочку.

– Говоришь, не оставляют никого живого? – скептически поинтересовался я.

– Да! От них невозможно убежать или скрыться, они беспощадные, они... – И опять повторился восторженный отзыв о том, какие это монстры. Во время своего пламенного монолога парень начал бурно жестикулировать, чуть ли не подпрыгивая на месте, стараясь донести до меня, насколько страшные создания эти эхербиусы. Правда, заметив мой насмешливый взгляд, оборвал на середине слова и замолчал, непонимающе глядя на меня.

– Если они такие страшные, – начал я медленно и с расстановкой, – беспощадные, жестокие и никого не оставляют в живых, то откуда же о них вообще узнали?

На парня стало жалко смотреть, из него будто выпустили весь воздух, он как-то сгорбился, сжался и покраснел, еще чуть-чуть и начал бы шаркать ножкой по земле. В общем, приобрел совершенно неподражаемый вид, я едва сдерживал рвущийся наружу хохот, столь комично он выглядел.

– Мой тебе совет: прежде чем поверить чему-то, сначала убедись, что это действительно правда, а пока не будет под-

тверждения достоверности полученной информации, воспринимай все как полуправду, от кого бы ты ее ни получил. – Судя по выражению его лица, он понял только первые три слова, остальное воспринял как нечто жутко заумное. Решив не травмировать «ребенка», я перевел свои слова на более доступный ему уровень понимания:

– Не верь всему, что тебе говорят.

Вот это он точно понял. Да еще как! Не среагируй я вовремя, мог остаться без чего-нибудь очень важного для моего существования – руки, например. Не знаю, что его так задело в моих словах, но задело, видимо, сильно, раз он, забыв про всяких там эхербиусов, попытался если не отправить меня на тот свет, то существенно покалечить точно. Впрочем, неожиданно выяснилось, как для него, так и для меня, что реакция у меня на пару порядков выше, чем у него. Так что я остался цел и невредим, а он сидел в трех метрах от меня и, усиленно сопя, потирал ухо. Ударил я его совсем легонько, боясь что-нибудь ему сломать; будь он побольше, ударил бы посильнее, а от этого и последствия стали бы другие. Впрочем, ему хватило ума больше на меня не бросаться. А я даже искренне извинился перед ним, помог встать, подал валяющийся меч и отряхнул пыль с точно такой же жилетки, что была одета на мне.

– Парень, ты был бы поаккуратнее, а то, как выяснилось, я очень нервно отношусь к тому, что меня собираются убить. Тебя звать-то как?

Тот сначала меня внимательно оглядел, а потом что-то пробурчал, по-видимому, свое имя. Когда я попросил повторить еще раз, мне показалось, что он опять на меня бросится, но потом, явно через силу, он все же выдал из себя:

– Ролу Гранд.

– Очень приятно познакомиться, а меня зовут Крэйзи Хисп.

Видимо, с именем я все же маленько просчитался, так как он был явно чем-то впечатлен. Но в следующий момент его лицо, который уже раз за время нашей беседы, стало выражать искреннее удивление.

– Вам не кажется мое имя странным?

В чем вопрос?! Конечно, кажется! В моем мире такого вообще не встретишь, а вот про твой мир я совсем ничего не знаю.

– А что, оно должно было мне что-то сказать? – В голос я добавил немного волнения, будто мне не терпится услышать ответ.

– Да, вообще-то, нет, – ответил он немного растерянно. – Просто все считают его очень странным, но, к сожалению, родители погибли раньше, чем я смог спросить, почему они меня так называли.

Я решил кое-что проверить:

– А мое имя тебе странным не кажется?

В его взгляде опять промелькнуло какое-то выражение, которое я заметил минутой раньше, вроде это было понима-

ние чего-то, что я еще пока сам не понимал, а затем он ответил, тщательно подбирая слова.

– Показалось. – Он даже кивнул головой в подтверждение своих слов. – Если мое имя просто странное, то ваше... как бы это сказать... совсем странное. Даже звучит как-то необычно – Крэйзи Хисп. Вы, наверное, из очень далеких мест?

Подумаешь, тоже мне дело. Мало ли как меня решили называть, что из этого-то? Но если бы я знал свое будущее, то никогда бы не стал так называться. Слишком правильно подобрал, так нельзя. Но, увы, над временем я не властен, так что своего будущего я не знал и знать не мог.

В это время с другой стороны деревни послышалось множество голосов, из чего я сделал вывод, что горе-защитники решили вернуться. Через минуту мои слова подтвердились, они шли толпой вслед за каким-то человеком, судя по его осанке, далеко не простым крестьянином. Скорее всего, он именно тот, кто преподал этим людям азы обращения с оружием. Неудивительно, что, испугавшись меня, они первым делом помчались к тому, кого считали своим защитником. Да и выглядел он как бывалый воин. Не было того самодовольного, предвкушающего выражения на лице, которое говорило лишь о неопытности. Этот же, по-видимому, считал, что лучшая победа – без боя.

Когда он подошел ко мне на расстояние вытянутого меча и остановился, я оценил его умение: дистанция между на-

ми не позволяла мне до него дотянуться. Я, не сдержавшись, улыбнулся. Он сразу понял значение улыбки и, в отличие от крестьян, которые недоуменно переглянулись, усмехнулся в ответ, а затем легонько качнул головой в знак приветствия. Я ответил точно таким же едва заметным кивком. Удивительно! Я в этом мире всего-то несколько часов, а уже действую так, будто прожил тут пару лет. А ведь я могу никогда не вернуться домой. Только сейчас, увидев этого воина, я вдруг понял это. А ведь там, в прежнем мире, у меня остались, друзья, семья – все, кого я когда-либо знал. Я ведь действительно могу их больше не увидеть. **ДА КАКОГО ХРЕНА Я ТУТ ВООБЩЕ ОКАЗАЛСЯ?!!** Хорошо, что я был не один, иначе, наверное, сделал бы что-нибудь такое, что было бы несовместимо с дальнейшей жизнью, а так меня в чувство привело какое-то движение. Действуя на одних рефлексах, я упал назад, на спину, а затем, оттолкнувшись, перекувырнулся через правое плечо. В фехтовальной школе первым делом учили падать, ничего себе не отбивая. К счастью, обладая должными навыками, я и сейчас даже не ушибся. Когда же встал, машинально отряхивая пыль со своей одежды, увидел, что воин стоит с поднятой рукой и на лице его написано несказанное удивление. Видимо, он хотел просто похлопать меня по плечу, а нападать даже близко не собирался. Изобразив благородное лицо (как я его понимаю), я негромко сказал:

– Извините. Задумался и не понял ваших намерений. – Потом, посмотрев на моего визави, понял, что пора знако-

миться, иначе дело дальше переглядывания не пойдет, поэтому шагнул навстречу и протянул руку: – Крейзи Хисп.

Воин заинтересованно оглядел мою руку, затем, сделав встречный шаг, со словами: "Ахманов Ярослав", – уверенно ее пожал. Значит, здесь в ходу и наши имена?! Блин, надо было назваться своим настоящим, а теперь результатом стал опять огонек непонимания, промелькнувший в его глазах, точно такой же, как совсем недавно у Ролу. Но огонек промелькнул и пропал, а воин вежливо попросил следовать за ним в его дом за деревней:

– Он здесь совсем недалеко, просто я люблю уединение.

Дом был как минимум в двадцати минутах ходьбы от деревни (быстро же сбегали крестьяне до него или, что более вероятно, встретили хозяина на полпути) и выглядел вполне уютным. Чем-то он мне напомнил дом моих родителей, да и размеры соответствовали; думаю, для этого мира подобный дом – очень большая роскошь.

Внутри все оказалось еще лучше. Повсюду лежали превосходные ковры, ворс которых был столь толстый и мягкий, что можно было смело спать прямо на полу. В гостиной был красивый камин и – целое множество различных растений, вплоть до карликовых деревьев. Видимо, хозяин был не просто воин; а может, успел где-то прилично наворовать, до того момента, как его уличили и пришлось делать ноги, но, мне кажется, обычному человеку такой дом явно не по карману.

Когда мы, основательно перекусив, что оказалось очень

кстати, устроились на веранде, он заговорил, словно отвечая на мой невысказанный вопрос. Наверное, заметил, как я разглядывал его владения.

– Родители мои были очень богатыми людьми, но мне надо было воевать, показать себя. – Усмехнулся и добавил: – Если бы не родители, не знаю, на что бы я сейчас жил, и главное – жил ли бы вообще. А теперь обучаю за деньги военному делу некоторых людей, по преимуществу, крестьян. Правда, их практически ничему не научишь, время упущено, а детей они отдавать в обучение не хотят. Боятся, что когда те вырастут, уйдут из дому – воевать. – Он снова усмехнулся и быстро проговорил: – Но не будем обо мне, у меня вся жизнь обычная, давай лучше о тебе.

Быстро он перешел на «ты», хоть я и не был особо против, а вот с заявлением, что у него обычная жизнь, которая мне неинтересна, я бы мог основательно поспорить. Мне, напротив, слушать его было очень интересно, а вот желание говорить о моей личности у меня отсутствовало напрочь. Слишком много пришлось бы врать, чего делать не хотелось. Не то чтобы я был таким уж правдолюбом, но врать человеку, у которого придется просить кров, как-то совершенно не хотелось, по крайней мере, в главном, а по мелочам – так на то они и мелочи.

– А может, хватит моего имени и честного слова, что я хороший парень? – лучась добродушием, поинтересовался я.

– Не хочешь, не говори, – совершенно спокойно отклик-

нулся мой хозяин. И, в свою очередь, полюбопытствовал: – Тебе есть где жить?

– Нет. Я пришел из очень далеких мест. Правда, я бы сказал, одновременно и совсем близких. Это смотря с какой точки зрения рассуждать. В плане географии – это всего часа четыре пути, а если брать по соотношению миров, то, пожалуй, это столь далеко, что не хватит тысячелетий, чтобы туда дойти. – Все это было сказано с небрежностью императора, который пытается научить крестьянина простым истинам. Тут же стало понятно, что воин не осиливает полученную информацию, впрочем, ему хватило ума понять, что переспрашивать бессмысленно, так что он просто сказал:

– Оставайся у меня, сколько хочешь, мне это будет не в тягость, а сейчас извини: мне надо идти. Я должен выполнять свои обязанности. – С этими словами он встал со скамейки, на которой мы сидели, и, сойдя с крыльца, направился к опушке того гигантского леса, с которым я уже имел счастье познакомиться. Удивляясь самому себе, я прокричал ему вслед просьбу поучить и меня вместе с крестьянами, на что он сначала удивленно замер, а затем лишь кивнул головой в знак согласия.

Владеть мечом в этом мире, казалось бы, на первый взгляд, совсем легко. Что может быть проще? Возьми кусок железа и научись его вовремя подставлять под удары своего противника. Но нет. Все так, да не совсем. Хотя, если сравнить то, что я читал (и изучал) о нашем современном фех-

товании, с тем, что показывал мне Ярослав, то было много общего и много отличий, в чем-то оно было неизмеримо сложнее, в чем-то легче. По тем урокам, что он мне давал, я понял, что здесь господствуют устоявшиеся приемы, если ты бьешь, скажем, одним ударом, то твой противник выставит против него другой, который был уже проверен на деле. Быстро уловив, в чем мое преимущество, я после трех недель чуть ли не круглосуточных тренировок начал удивлять своего учителя чем-то, по его представлениям, совершенно невысказанным. Я нарушал абсолютно все устоявшиеся приемы. Среди них были уникальные, передававшиеся от отца к сыну, от учителя к ученику. Эти приемы, по существу, представляли просто неожиданный выпад, умело вписанный в "рисунок боя", от которого практически не существовала защита, если только ты не из «чудовищных» эхербиусов. Все проанализировав, я понял, что они просто обладали большей фантазией и скоростью, чем остальные, поэтому и были непобедимыми воинами. Так что, когда учитель начал мне показывать «уникальные» приемы, я, повергнув его в полный шок, спокойно парировал их. Без всяких представлений о точно такой же уникальной защите от этих ударов. Я просто видел меч, пытающийся до меня «добраться», а потому мешал ему это сделать своим мечом. Я не был скован глупыми представлениями об устоявшихся приемах атаки и защиты; как мне было удобней, так и блокировал, и парировал. Сплошная импровизация с изрядной долей логики. Правда,

мне потребовались две недели, чтобы понять это. Ярослав заставлял запоминать удары, которые мне показывал, а затем и защиту от них. Я сначала думал, что это просто какой-то бред. Зачем все это запоминать? Ведь и ударов и защит можно придумать практически бесконечное множество! Чтобы их все запомнить, нужно иметь просто нечеловеческую память! Когда я задал этот вопрос учителю, тот сначала удивленно на меня посмотрел, а затем выдал совершенно невысказанный, по моим представлениям, ответ:

– А их и нельзя запомнить все.

А потом, как ни в чем не бывало, продолжил занятие. Впоследствии я все же выяснил то, что меня интересовало. Мне стало понятно, как устроен «мир» здешних фехтовальщиков. Чем больше ты знаешь приемов, тем выше твое мастерство, оно и понятно. Но чтобы стать Высшим мастером фехтования, нужны постоянные тренировки, иначе потеряешь свой статус, что тоже вполне закономерно. Фехтовальщиков такого уровня на всей планете (Ярослав сказал "во всем мире", но я понял, что это равнозначно, как если бы он сказал "на всей планете"; спрашивать, знает ли он, что земля круглая, я не стал) насчитывалось не больше пятисот, просто мастеров было около тысячи, что-то вроде подмастерьев тоже были, и их число составляло уже приблизительно пять тысяч, потом шли рыцари, за ними воины, а дальше – ополченцы. Были еще наемники, но они никак не классифицировались, так как к их числу мог относиться любой чело-

век. Но за умение фехтовальщика надо было платить. Чтобы не забыть приемы, приходилось все время тренироваться и тренироваться, ни на что другое просто не было сил. Если не будешь повторять все выученные приемы, то потеряешь свою форму, и тогда твой статус понизится. Тренировки в основном нужны были трем категориям – Высшим мастерам, мастерам и подмастерьям. Они также необходимы рыцарям, но в очень небольшом количестве (так как они попадали в несколько другую категорию). Воин же вообще мог не тренироваться, так как владел только стандартным набором атак и защиты. Как я уже сказал, за мастерство надо платить, причем не просто силой и временем. Если ты всю жизнь посвятил только мечу и ничему другому, то человек превращается в "боевое животное" (другого термина я просто не подобрал, да и, на мой взгляд, он был самым подходящим). Половина таких фехтовальщиков не умеют даже читать и писать. Зато хорошо убивают, для другого они попросту не предназначены. Хотя некоторые мастера, из тех, кто выросли в богатых семьях, знают грамоту и письмо и даже находят на это время, но они больше полагаются на свою фантазию и логику. Они просто видят рисунок боя и могут «вести» его. Честно говоря, я не понимал, почему остальные не делают точно так же? Ведь это самый лучший способ обучения! Но я в этом мире пробыл слишком мало для того, чтобы хоть в чем-то нормально разбираться.

Дворянам хватает одной четырехчасовой тренировки в

неделю, и как раз они-то и считаются самыми опасными, а совсем не те, которые каждый день махают мечом. Последние же, кто должен быть упомянут, это те самые эхербиусы, их по-другому называют "демонами меча", так как им практически не нужны тренировки (вранье, тренировки нужны всем!), но при этом победить их не могут даже Высшие мастера, они очень умны, многому обучены и ввиду этого «чудовищно» опасны. Это, конечно, если верить всему тому, что я о них слышал; представление об эхербиусах было составлено после простого анализа всей полученной информации, но вот за ее достоверность я не ручаюсь.

На то, чтобы все это понять, проанализировать и сделать выводы, у меня ушел примерно месяц, по истечении которого я стал выигрывать в дружественных спаррингах с учителем. Одновременно я получал от Ярослава информацию об этом мире, о его устройстве, законах, правилах, людях – в общем, все что только можно было о нем узнать, при этом не выдав, что я человек другого мира.

Но под конец месяца я начал ощущать какой-то дискомфорт. То не мог уснуть на протяжении трех ночей, а потом проспал двое суток, то во время тех же трех дней ничего не ел и не пил, а потом, когда проспался, начал просто уничтожать еду. Где-то еще через неделю почувствовал, что у меня болит все тело, причем казалось, что болит каждая клеточка организма. Именно в таком состоянии я лежал уже четвертый день, а боль не только не проходила, но и, казалось,

росла и росла. Ярослав чего только ни пытался сделать, даже где-то ученого врача откопал, но тот лишь развел руками, сказав, что не имеет ни малейшего представления, что со мной происходит. На пятый день, перед тем как отключиться, я произнес... Хотя нет, не так. Кто-то сказал моим языком для Ярослава следующие слова:

– Ничего не бойся, через четыре дня твой друг очнется полностью здоровым.

* * *

А потом я как бы провалился, но не в блаженную темноту, а в раздражающий свет:

– О! Извини, – сказал чей-то голос (не Ярослава!), и свет стал просто светом, не режущим, даже по-своему приятным. – Не привык я к гостям, а мне свет совсем не мешает.

– Ты кто? – стараясь оглядеться, спросил я и тут понял, что у меня нет тела. Довольно странное ощущение... Я «походил» из стороны в сторону, потом «повертелся» на месте, даже «попрыгал» и «присел» пару раз. Стало весело – все-таки не каждый день обходишься без тела. А потом опять раздался тот же голос:

– Наигрался?

– Нет, нет! – воскликнул я и продолжил "эксперименты".

Передать при этом мои ощущения просто невозможно, но с каждым мгновением мне становилось все веселее и веселее, а через минуту я уже носился в потоках света, хохоча как полный псих. Где-то минут десять мне потребовалось, чтобы прийти в себя, но все равно изредка я невольно подхихикивал.

– Теперь наигрался? – спросил голос с безграничным терпением.

– Ага! – по-детски довольно ответил я, попробовал еще шмыгнуть в сторону, но ничего из этого не получилось, так что добавил: – Наигрался.

– Слушать готов?

– Смотря что! От парочки анекдотов я бы не отказался, хотя, если есть прикольная история, то я бы и ее послушал. Сказку не хочу. Они нынче не в моде, та же история с байками, приелись они уже, да и недолюбливаю я их. Вот если ты мне какую-нибудь НФ расскажешь или фэнтези, то тогда с радостью послушаю. Ну так как? Что рассказывать будешь?

– А ты наглый, – спокойно резюмировал мой собеседник.

– А то! Наглость – второе счастье. А вот с совестью вышел облом. Игрались мы с ней, игрались, а потом – хрясь! И шею она, бедняжка, свернула, пришлось похоронить. Так что с тех пор нету у меня ее. Чувства прекрасного тоже ни фига нет, обделили меня им. Ну а в остальном, вроде, полный порядок. Хам, циник, пофигист – стандартный набор юного программиста. Что-нибудь еще интересует?

– И да и нет. Ты псих? – весело спросил голос.

– Я Хисп! – ответил я тоном оскорбленной невинности –

Попрошу не путать.

– Значит, Психованный Хисп. А ты ничего. Мне нравишься.

– Рад за тебя. Ну, так в чем проблемы? Зачем меня сюда надо было тащить? Я так понимаю, это ведь ты выдернул меня из моего тела? Спрашивай, что хотел, а потом верни обратно.

– А с чего ты взял, что ты не умер? Ты же заболел? Так может, ты умер, а это рай?

– Рай? – Я огляделся по сторонам, потом пролетелся по кругу и констатировал: – Значит, фигня этот рай.

– Тебе здесь не нравится? – с удивлением спросил голос.

– Ну-у... если диванчик в угол, шторочки на окна, цветочков в горшочках понатыкать, комп с выделенкой поставить, то... будет совсем неплохо, а так интерьерчик слабоват. Советую сменить дизайнера.

Раздавшийся хохот оглушил бы, наверное, будь у меня здесь свое тело, а так – только временный ступор. Впрочем, он быстро прошел.

– А ты не меньший псих, чем я.

– Возможно, – отозвался подхохатывающий голос, – но, может, все-таки поговорим серьезно?

– Давай.

– Во-первых, попал в этот мир ты благодаря мне.

– Опа-а! Если это во-первых, то мне уже не хочется знать, что у тебя во-вторых, и совершенно отказываюсь слушать, что будет в-третьих. Между нами говоря, у меня там родители остались, сестра, друзья, знакомые, девушки. А ты, сволочь такая, дал хотя бы для начала сделать выбор. Хрен там с друзьями, девушками и тем более знакомыми, но семья-то моя переживает. Они же меня наверняка мертвым считают, а я здесь прохлаждаюсь. Так их бы хоть предупредил.

– Успокойся. В твоём мире не прошло еще и минуты, слишком разные временные потенциалы между двумя магическими эквивалентами этих миров.

– Э-э... что?! – Прозвучало достаточно жалобно, а этот голос опять заржал, как ненормальный.

– Что, не понравилось? Ладно, это я пошутил, просто разное течение времени в твоём и этом мире, по меркам твоего мира прошло только две наносекунды с момента твоего перехода, так что тебе здесь придется пожить достаточно долго, чтобы тебя потеряли в твоём мире.

– Но я же могу умереть, и тогда моя семья все равно достигнет того момента во времени, когда станет известно о моем исчезновении, и они будут переживать.

– А какая тебе будет разница? Ты же будешь мертв, чего тебе беспокоиться?

– А ну покажись!!!

– Зачем? – недоуменно отозвался голос.

– Чтобы я мог тебе хорошенько врезать!!! Какая разница,

жив или мертв буду я?! Главное – последствие, а этим самым последствием будут страдания моей семьи, что мне совершенно не нравится!

– Какие мы хорошие! Хорошо, что ты ответил именно так, а не иначе. Не бойся, в случае твоей смерти твоя семья все будет знать, и им не придется больше ни в чем нуждаться. Но в обмен на это ты мне должен помочь сделать одно дело.

– А если я не соглашусь? – довольно грубо оборвал его я.

– То ты останешься в этом мире навсегда, – довольно жестко ответил голос. – Причем не на семьдесят или восемьдесят лет, которые ты прожил бы в своем мире, а до конца существования этой цивилизации, если же она не перестанет существовать, то и ты не перестанешь.

– Я могу покончить с собой.

– Не покончишь. Ты просто не сможешь это сделать. Ты сам установил свои принципы, а они против самоубийства.

– Но я могу действовать под впечатлением момента! Слишком большое потрясение, и я просто могу не успеть прийти в себя и что-нибудь с собой сделаю. – Звучало это, прямо скажем, не слишком уверенно, но все же хоть что-то.

– Нет. Когда настанет критический момент, ты образумишься и не сделаешь этого, у тебя такое мышление. А теперь отвечай на мой вопрос: ты согласишься помочь мне на тех условиях, которые я предложил?

– Да это чистый шантаж! – возмущенный такой несправедливостью, вскричал я.

– Именно.

В бешенстве я начал хаотично летать, стараясь хоть как-то успокоиться, а также подавить в себе желание набить морду этому существу, кем бы оно ни было. Вот ведь гад! Он просто не оставил мне выбора, хотя самое обидное было не в этом. Мне ведь хотелось ему помочь, невзирая на последствия и возможно грозившую гибель. Вот это-то и было самым отвратительным. И сейчас я искал выход, чтобы согласиться и в то же время насолить «ему», но, к сожалению, не видел его. Ладно, первый раунд за ним:

– Хорошо. Я согласен. Только, если что, ты выполнишь любую мою просьбу, в чем бы она не заключалась, в рамках разумного, конечно.

Теперь настало время думать голосу. Через некоторое время, видимо, просчитав все, что можно, он ответил:

– Ладно, но контролировать разумность твоего желания буду я сам. И некоторые вещи я просто не в состоянии сделать, иначе я бы тебя не просил о помощи. Моя власть в мирах очень мала, но кое-что я все же могу.

– Пусть будет так, а теперь, наконец, скажи, в чем заключается твоя просьба?

– Пока рано, ты еще не готов. Сейчас я выдернул тебя из твоего тела, чтобы ты не сошел с ума от боли, которую испытывает твой организм. К сожалению, твое тело запомнит эту боль. Так что у тебя будет нарушен порог чувствительности, тебе придется вновь учиться управлять своим телом

и чувствовать его.

– А чем вызвана эта боль? – недоуменно спросил я собеседника.

– Эволюцией.

– То есть как?

– Просто, переходя барьер, ты слишком надолго застрял между мирами, в результате чего сильно облучился магией этого мира. В твоём она отсутствует практически полностью, и столь мощное её воздействие подтолкнуло эволюцию, на грани которой стоял твой организм. Магия ускорила процесс, и теперь он реализуется в очень короткие сроки.

– Это значит, я могу проснуться уже не человеком?

– Нет, проснешься ты человеком, но вот каким – уже другой вопрос, на который даже я не могу сейчас дать ответ. Именно поэтому ты ещё не готов выполнить ту задачу, ради которой я тебя вообще перенес в этот мир. Сначала тебе придется научиться управлять своим новым телом и постараться раскрыть свои новые возможности, которые просто обязаны появиться. Это может занять достаточно много времени... Хотя... ты индивид странноватый, потому за факт это утверждение не бери. Когда же более-менее освоишься в своём теле, иди в город Хогарт. Думаю, там ты сможешь получить дополнительные навыки и знания, которые не будут лишними, а дальше посмотрим.

– Хорошо. Скоро ты вернешь меня обратно в мое тело?

– Прямо сейчас. Процесс формирования закончен, ты был

без сознания четыре дня. Я несколько ускорил происходящие в тебе изменения, иначе это могло занять слишком много времени, по истечении которого ты мог вообще умереть, просто от истощения. Если у тебя вопросов нет, то я сейчас же верну тебя обратно.

– Подожди! – успел я крикнуть, уже начиная возвращаться обратно в свой мир – Есть у меня последний вопрос. Как тебя зовут?

Я отчетливо ощутил, как напрягся мой собеседник.

– Это для тебя так важно?

– Да.

Опять молчание, затем он как-то печально вздохнул: видимо, ему совсем не хотелось представляться, – но он все же проговорил слова, которые я абсолютно не ожидал услышать:

– И в твоём и этом мире меня называют Богом...

А в следующий момент я уже открыл глаза, уставившись в потолок. Мне надо было подумать, причем о многом.

Глава 2

Размышлял я, наверное, очень долго, по-прежнему глядя в потолок. В таком состоянии и нашел меня Ярослав. Издав возглас, очень похожий на панический, он подскочил ко мне и, схватив за плечи, начал что есть силы трясти, издавая нечленораздельные вопли. Дабы прекратить это безобразие, я проорал:

– Идиот! Отпусти меня!!

Он на мгновение остолбенел, потом бросил меня обратно на кровать, а сам рванулся к двери, но на полпути зацепился за ножку кресла, из-за чего с грохотом врезался в стену. Пока вставал, трясая головой, видимо, чуть-чуть пришел в себя (парадокс да и только!). Поднявшись, он осторожно присел в то самое кресло и уставился на меня, как на привидение. Дав ему немного времени, чтобы налюбоваться мной, я четко произнес:

– Ярослав, нервы, однако, лечить надо. Что ты вопишь, как девчонка? Я чуть не оглох!

Он опять оказался рядом со мной:

– Ты живой?! Живой!!

Он был весь какой-то дерганый. Под глазами мешки, лицо осунувшееся. В общем, весь вид его говорил, что этот человек либо запойный пьянчуга, либо очень долго не спал. Зная Ярослава, я был уверен во втором. И не спал он, скорее все-

го, из-за меня.

Успокаивая его, я заговорил:

– Живой, конечно, живой – разве не понятно? А вот у тебя видок еще тот.

– Какой уж есть! Это ты меня до такого довел!

– Я?!

– Ты, ты! Орал так, что ко мне вся деревня прибежала... Правда, когда они собрались, ты уже только хрипел. И так было на протяжении всех четырех дней. Что с тобой случилось? Еще пару часов назад ты был почти труп, а сейчас живой меня и разговариваешь как ни в чем не бывало.

– А ты бы предпочел, чтобы я валялся, высунув язык? – пошутил я, но, увидев его угрожающий взгляд, поспешил закружиться: – Со мной все в порядке, дружище, просто кое-что случилось, но теперь прошло... – Я подумал: сейчас самый подходящий момент проверить, что там с моим телом. – Помоги мне встать.

– А может, не надо...

– Помоги!

– Ладно. Но потом не говори, что тебя не предупреждали! – раздраженно буркнул он. Я и раньше частенько выводил его из себя своим чрезмерным упрямством, вроде бы, должен был привыкнуть.

– Не скажу, – согласился я, – но пожалею.

Осторожно встав с кровати, я, слегка шатаясь, прошелся по комнате. Как будто все нормально и не надо привыкать

к своему телу. Но стоило мне так подумать, как тут же пришлось убедиться в обратном. Попытавшись взять кружку с водой, я отломил ручку, и осколки воткнулись мне в руку. Но, что самое странное, боли я совершенно не почувствовал. Кровь лилась ручьем, а мне было ни жарко, ни холодно. Несколько заторможенно я начал извлекать впившиеся под кожу осколки, а затем с большим удивлением посмотрел на руку. Кровь перестала течь, а края ран прямо на глазах начали стягиваться. Через пару минут лишь едва заметные маленькие белесые полоски напоминали о только что нанесенных порезах. Раза два я сжал и разжал пальцы. Ни боли, ни крови – ничего, абсолютно ничего! Взглянув на Ярослава, я увидел совершенно обалдевшую физиономию. Он, в свою очередь перевел взгляд с руки на мое лицо, а потом обратно. Не знаю, что было бы дальше, но тут в комнату влетел уже знакомый паренек – Ролу. Размахивая руками, он начал что-то кричать, перескакивая с одного на другое:

– Тихо! – рявкнул Ярослав. – А теперь спокойно скажи, что хотел мне сообщить.

– Ну... это... на деревню напали!

Не дослушав, Ярослав выскочил из комнаты. Ролу – за ним.

Все стало понятно. И это «все» было плохо. Ярослав хороший боец, но, как выяснилось на тренировках, намного хуже меня, поэтому в одиночку он мог просто не справиться, особенно, если нападавших много. Тем более в его теперешнем

состоянии. Если бы мое тело было прежним, то вдвоем шансов устоять имелось бы намного больше, а так – я ничего не мог даже предположить. Одно я понял: у меня сильно притупились прежние ощущения, и в данном случае это могло оказаться только полезным.

Однако времени на размышления не было. Натягивая штаны, я понял, что они мне стали очень маленькими. В бешенстве стянув их, я скомкал и отбросил в угол. Достав другие, которые предназначались для холодов и поэтому были намного больше, я поспешно напялил их на себя. Сапоги пришлось надеть тоже зимние. Проигнорировав всю другую одежду, набросив только наплечные перевязи с мечом и колчаном, я схватил свой лук и бросился вдогонку за Ярославом и Ролу. Впрочем, как оказалось, мне можно было даже не спешить: едва я набрал скорость, как в считанные секунды догнал их, а потом и вовсе оказался впереди. Не дожидаясь отставших, я помчался в деревню. Вылетев из-за холма едва ли не со скоростью пули, я успел оценить обстановку, еще не достигнув первых домов.

Нападавших было человек пятнадцать. Все на конях и в доспехах, явно не простые разбойники. Весело гогоча, они смотрели, как двое их подельников выволокли из дома какую-то девку и повалили ее на землю. Один задрал ей подол платья и, встав на колени, прижал ее покрепче к земле, чтобы не дергалась, другой же в это время торопливо снимал штаны. Лучники не подпускали к этим троиц крестьян с ме-

чами и щитами. Как я понял, деревенских охотников с луками они обезвредили загодя, так что стрелять со стороны крестьян было некому.

Я вбежал в деревню не за спинами крестьян, а чуть в стороне, поэтому мне открылся отличный вид на происходящее. Я увидел лицо несчастной крестьянки и узнал в ней Хону, первую красавицу на деревне. Ну, может, по нашим меркам, она и не дотягивала до фотомодели (хотя, уверен, если обеспечить ее косметикой, всякими там кремами-парфюмами и хорошей одеждой, она переплюнет любую модель), но в этом мире своему званию полностью соответствовала. Я хорошо знал ее, потому что крестьяне пробовали соблазнить меня этой девушкой, чтобы я, если и уйду из деревни, так хоть оставил бы потомка, точно такого же «богатыря» (правда, это слово звучит здесь несколько иначе, я даже сначала думал, что меня оскорбляют. Меня от такого наименования просто корежило, но ничего нельзя было поделать, уж больно оно крестьянам нравилось). Думаю, излишне говорить, что они потерпели полный провал в своем начинании? Конечно, против Хоны я ничего не имел, она мне даже нравилась, но вот сына иметь, по моему представлению, мне еще рановато. Если бы у меня здесь родился потомок, то хрен бы я уже куда ушел, пока не воспитал его должным образом. Но воспитание детей в мои ближайшие планы не входило, из-за чего деревне вышел облом.

Все эти мысли были мимоходные, поэтому заняли не

больше секунды, но этой секунды хватило насильнику, чтобы, наконец, снять свои штаны. Понимая, что с мечом уже не успеваю, я схватил лук в левую руку, правой достал стрелу из колчана. Взяв в прицел шею насильника, уже опустившегося возле девушки на колени, я оттянул тетиву настолько, что еще чуть-чуть, и она бы не выдержала, а потом с выдохом отпустил стрелу в полет. Тут же выдернул следующую для другого, который с похотливой рожей смотрел на извивающуюся Хону. Но второй не понадобилось. Стрела, пронзив железным наконечником незащищенную кольчугой шею первого насильника, отбросила его на помощника и соединила их, пробив последнему череп и застряв в его голове. Тот, кому стрела попала в шею, дернулся пару раз, другой умер моментально.

Пока гоп-компания ошарашенно смотрела на своих мертвых дружков, Хона, прекрасно видевшая, чья это работа, бросилась ко мне и, прижавшись, спряталась за спиной. Странно, я не почувствовал, что она трясется от страха, хотя видел ее лицо, когда она бежала ко мне, – оно было просто перекошено ужасом. Повернувшись, я понял, что ее не просто трясет – она, похоже, вообще конвульсивно дергалась, а мне это не передавалось. Да, прав был тот тип (принципиально не называю его богом): придется основательно привыкать к своему новому телу. Особенно рассчитывать силу, которой, по-видимому, стало еще больше.

В это время солдаты (хотя, какие они на фиг солдаты? На-

стоящие разбойники!) обратили, наконец, внимание на того, за кем спряталась девушка, и увиденное им совершенно не понравилось. Еще бы! Усиливая их впечатление, я осклабился улыбкой полного психа, которому нравится убивать. К сожалению, получилось это не слишком удачно, видимо, рожей я до убийцы не дотягивал.

Видя, что первое впечатление проходит, я заговорил:

– Уходите-ка, ребята, по-хорошему. Здесь деревня не слишком богатая, так что потеряете намного больше, чем найдете.

Вперед выехал какой-то кретин. На вид я ему дал лет двадцать, но к его физиономии уже намертво приросла маска непрошибаемого самодовольства, поскольку интеллектом, по-видимому, он тоже не особо отличался. Зато выглядел намного эффектнее других. Доспех на нем был добротный, конь – по нашим меркам, настоящий монстр. По каким-то неведомым мне законам, здешние животные размерами были такими же, как на земле, а чаще – гораздо больше, хотя, конечно, попадались и экземпляры поменьше, но эти исключения только доказывали общее правило. Кретин, увидев, что я восхищенно разглядываю его коня, немного погарцевал, чтобы я понял, насколько это сильная лошадь. Я видел, как ее мышцы при движении бугрились, перекачивались, такая «махина» неделю проскачет и не устанет, знай только поить не забывай. Да-а, от такого коня я бы не отказался.

Судя по всему, животное своего хозяина очень не любило. Прогарцевал он совсем чуть-чуть, а потом был сброшен на землю и чуть не затоптан своим скакуном. Пока «благородный» идиот поднимался с земли, его язык выдавал такую похабщину, что я даже восхитился лингвистической виртуозностью, но вот суть мне совершенно не понравилась. Как я понял, жеребец попался с характером и уже бог знает какой раз скинул своего седока, последнему это очень надоело и он решил: раз не может подчинить себе это животное, то пусть тогда оно не достанется никому. Такого коня на растерзание? Ну уж хрен вам! – подумал я. Свистнув, протянул руку к жеребцу. Тот сначала недоуменно покосился на меня, а затем, смешно прядая ушами, начал медленно приближаться ко мне, сразу забыв о своем хозяине. Последний, увидев эту картину, откровенно растерялся.

Жеребец был абсолютно черного цвета, от носа и кончиков ушей до копыт и кончика хвоста, глаза были точно два черных жука, и я даже не знаю, как люди с нынешним менталитетом не приняли бедное животное за какого-нибудь адского коня, на котором ездят всадники тьмы. Но при всем этом жеребец явно был очень добрым, в глазах таилась такая неподдельная грусть, что при взгляде в них комок подступал к горлу. Видимо, кроме грубости и боли, он от своего хозяина больше ничего не знал, именно по этой причине так медленно и опасливо подходил к моей руке.

Помня, что пока еще не владею своей чувствительностью,

я напрягся и постарался просчитывать каждое свое движение, чтобы – не дай бог! – не испугать бедное животное. Правда, тут же понял, что поступил неправильно: пропала даже та слабая чувствительность, что была до этого. Значит, надо сделать наоборот. Поэтому я расслабился, опять, как водится, переборщив, так что закачался на месте, зато чувства в какой-то степени вернулись. Но вот конь, наконец, наклонил свою морду к моей руке и опасно ткнулся в нее, я тут же скользнул ладонью по его могучей шее, а затем обнял свободной от оружия рукой. Животное даже замерло, похоже, его ни разу не ласкали. Поглаживая, успокаивая тихими словами, я нежно поцеловал его в ноздри. Конь удивленно фыркнул, но голову не отдернул.

В это же время командир пришел в себя, что-то злобно заорав, он бросился к оставшимся всадникам. Еще раз поглажив животное по шее, я потянул его за сбрую, чтобы он зашел за ближайший дом, туда же я подтолкнул Хону, проследив, чтобы они оба скрылись из виду, я опять повернулся к всадникам. К этому времени половина разбойников спешила и выстроилась позади командира, а лучники держали меня на прицеле и только ждали команды, которая почему-то не поступала... С их стороны было очень тактично дождаться, пока я вновь обращаю на них свое внимание. В этот самый момент в деревню вбежали и остановились чуть позади меня Ярослав и Ролу. Шустро бегают... отстали лишь минуты на три-четыре. Подкрепление ничуть не охладило пыл главаря

банды, так что лучник поднял лук и прицелился в меня. Но, видя, что я даже не пытаюсь как-то отреагировать, он неуверенно посмотрел на своего командира, на что тот пригрозил ему такими карами, что все сомнения стрелка тут же развеялись, и он спустил тетиву.

Ловить стрелы я научился на тренировках, причем очень хорошо. Но в своем нынешнем состоянии не был полностью уверен, поэтому, когда лучник выстрелил, я слишком напрягся. К счастью, результат превзошел мои ожидания. Мое личное время ускорилося (я назвал это "внутренней скоростью"), причем настолько, что я увидел, как стрела вращается вокруг оси полета. Действуя на пределе своей скорости, я поднял левой рукой лук, а правой перехватил летящую стрелу, тут же ее наложил на тетиву и отправил обратно. Никто толком ничего не успел понять. В то время как все ожидали увидеть мертвым меня, стрелок вылетел из седла с пробитыми насквозь доспехами. Оперение стрелы торчало с одной стороны, а наконечник проклюнулся с другой. Приподнявшись на колени, раненый старался выдернуть ее, пока, наконец, смерть не взяла свое, и он не завалился набок. Бандиты дружно посмотрели еще на одного мертвого, так же разом перевели взгляды на командира, а затем на меня. Чтобы отбить у них охоту нападать, я демонстративно наложил на тетиву очередную стрелу, те же действия повторили Ролу и Ярослав. Противники некоторое время хмуро рассматривали нас, а затем опять обратили взоры на своего командира. У

того лихорадочно блестяли глаза, нервно облизывая губы, он искал выход из сложившегося положения. С одной стороны, в деревне действительно ничего не было такого, из-за чего стоило бы умирать, но с другой, приказав уходить, он может потерять уважение своих людей. Я видел, что он принял решение, и оно было явно не в мою пользу, поэтому, едва он крикнул: "Убить этого гада!!" – я сделал так, чтобы кричать он больше никогда не смог. Воины растерянно замерли. Командир мертв, а мстить за него ни у кого особого желания не было, тем более, что непонятно, сколько их еще погибнет. Сбившись в кучу, они некоторое время посовещались, изредка кидая в мою сторону злобные взгляды. Что-то решив, от их группы отделился один всадник и, широко разведя руки в стороны, направился ко мне. Я сначала даже не понял, что это он делает. Лишь спустя пару секунд сообразил, что это мирный жест. Мол, ничего плохого делать не буду. Я тоже не так давно попробовал сделать подобный жест, знакомясь с крестьянами, но результат был совсем не мирный. Я медленно пошел навстречу, метров за пять друг от друга мы остановились, и он заговорил:

– Здравствуй, крестьянин...

– Я не крестьянин, – довольно грубо оборвал я его.

Некоторое время всадник с интересом рассматривал меня, а затем опять начал говорить:

– Все равно здравствуй, кто бы ты ни был. Видишь ли, ты поставил нас в тупик, убив нашего командира. Половина

хочет немедленной расправы...

– Пусть попробуют.

– ...а вторая, – продолжил он, будто я его не перебивал, – думает, в том числе и я, что здесь совершенно не за что умирать. Как видишь, мы оказались в некотором затруднении.

– Не вижу, в чем затруднение, – нарочито хамским тоном начал отвечать я. – Пусть та половина, что хочет расправы, попытается ее осуществить. Когда вторая увидит, что стало с этими дураками, думаю, сразу примет правильное решение. Поэтому еще раз спрашиваю: в чем проблема?

Всадник помолчал, хмуро разглядывая меня, а затем задал вопрос, какой я от него совершенно не ожидал услышать. Впрочем, свое удивление я хорошо скрыл.

– Если мы уйдем, ты дашь нам забрать тела погибших соратников?

Я сделал вид, что основательно задумался. Перевел взгляд на тела погибших людей, затем обратно на их товарища, терпеливо ожидающего моего ответа. Крестьяне и всадники стояли совершенно неподвижно, ожидая окончания нашего разговора, хотя его итог интересовал всех.

– Я согласен, – медленно проговорил я, – но с одним условием.

– Говори условие, – прошипел бандит сквозь крепко стиснутые зубы. Было видно, что он еле сдерживается, чтобы не плюнуть на все предосторожности и не зарубить наглеца (это значит меня, любимого).

– Да сущий пустяк, – небрежно ответил я, становясь в расслабленную позу. – Вы продадите мне два фламберга (правда, вместо этого я произнес совершенно другое слово). Таких мечей в деревни не найти.

Не знаю, чего он от меня ожидал, но явно не этого. Бедняга на какое-то время впал в ступор. Наконец, придя в себя, он, запинаясь, выдал согласие. Затем вернулся к своим, а от них обратно ко мне, только уже с двумя здоровенными мечами (впрочем, это для них они здоровенные двуручники, а для меня как раз по мечу в каждую руку). Ничуть не опасаясь всадника, я подошел и взял их. Вообще-то, фламберг – это двуручный меч, применявшийся в Швейцарии и Германии с XV по XVII века, длина его достигала полутора метров (эти были значительно меньше), клинок мог иметь волнистую (пламевидную) форму, рукоять покрывалась материей или кожей. Не знаю, откуда они здесь взялись, но это были потрясные мечи. Одно дело разглядывать их в журнале, и совсем другое – держать в руках. Теперь надо будет сделать специальные ножны, чтобы носить их за спиной. Честно говоря, я не ожидал, что здесь могут сделать такое оружие, хотя вроде и знал. Мечи стоили определенно дорого.

– Денег у меня с собой нет, – сказал я переговорщику. – Съездим до моего дома.

Дом, конечно, был не мой, а Ярослава, но я ведь тоже там жил.

Переговорщик махнул своим людям, чтобы ждали.

Зайдя за угол дома, куда я отправил жеребца и Хону, я их там и нашел. Бледная, все еще испуганная девушка тут же бросилась ко мне. Пока я уговаривал ее оставить меня и пойти к своей родне, переговорщик и его соратники терпеливо ждали, перебрасываясь похабными шуточками. То, что у них убили четырех человек, они уже начали забывать, хотя тела погибших уже загрузили на двух лошадей. Отправив, наконец, трясущуюся девушку к ее родителям, я смог подойти к своему скакуну. Тот тоже вел себя нервно: фыркал и косил темно-лиловым глазом. Успокоив его, вскочил в седло. За последнее время я все же приловчился управлять с лошадьми, поэтому никаких проколов в этот раз не вышло. Правда, у меня сложилось впечатление, что он даже не заметил моего веса. Попросив Ярослава успокоить крестьян, я направил коня к нашему дому. Бывшие противники последовали за мной. На лошадях понадобилось минут пять, чтобы добраться до места. Спрыгнув с коня возле крыльца, я вошел в дом, оставив спутников дожидаться меня. Может быть, они ожидали подвоха, но, тем не менее, пока меня не было, с места не двинулись. Я им вынес одну золотую монету, а она в этом мире ценится примерно так же, как у нас в России где-то миллионов пять баксов, и они совершенно обалдели. Бедные солдаты, в этой деревне они уже столько пережили, что, наверное, возвращаться сюда не захотят даже из-за таких денег. Наконец, когда они вышли из оцепенения, я сунул монету переговорщику. Он ее держал так, будто бо-

ялся, что она исчезнет, он даже старался не дышать. Потом медленно передал своему соседу, тот с ней вел себя точно таким же образом. В следующие минуты монета прошла через все руки и вернулась обратно к переговорщику. Тот уже почти полностью пришел в себя и, посмотрев на меня глазами побитой собаки, произнес:

– Господин... – Тут я весь подтянулся, благородно выпячивая нижнюю челюсть и делая бараньи глаза. – Господин, за два меча вы заплатили нам слишком много. Мы не можем это принять.

Сделав вид, что чем-то недоволен, и добавляя "сдерживаемой ярости" в голосе, я произнес:

– Ты отказываешься от подарка господина?!

– Нет! Что вы? Я совсем не...

– Я спрашиваю: ты отказываешься от подарка господина?! – уже почти проорал я.

– Нет! – испуганно ответил тот. – Просто это слишком большая плата за мечи.

Я его полностью понимал, выглядело это так же, как выглядел бы мужик, продавший обыкновенный жигуленок, который стоит максимум сто пятьдесят тысяч рублей, за пять миллионов. Но денег у меня еще немерено, поэтому я решил играть свою роль до конца:

– Одной монетой больше, одной меньше, разницы для меня никакой. – Эти слова были сказаны с небрежностью сына императора, у которого и ночной горшок был золотой.

Мои слова явно произвели впечатление, на меня стали смотреть чуть ли не с суеверным ужасом. Взглянув на их лица, легко можно было догадаться, о чем они думают. Мол, если неизвестный так легко разбрасывается огромными деньгами, то кто же он вообще такой? Этот вопрос читался у каждого в глазах, но отвечать на него я не стал. Пусть гадают и дальше. Проигнорировав их вопросительные взгляды, остался стоять на крыльце, надменно глядя на всадников. Те под моим взглядом заерзали как нашкодившие дети, хотя каждый из них был старше меня как минимум лет на пять-семь, и все это отчетливо видели, но вот сказать, что я какой-то юнец, почему-то никто не отважился. Наконец, опять подал голос переговорщик:

– Господин, а как вас зовут?

– Как назвали, так и зовут, – отрезал я.

– Но нам надо будет рассказать нашему милорду, что случилось. А он обязательно захочет знать ваше имя, – воин мямлил, мялся и старался сделаться как можно меньше, но все равно ждал от меня ответа. Некоторое время я пристально его разглядывал, решая про себя, что мне грозит, если я назову ему свое имя? Здесь, как я уже знал от Ярослава, мстят по поводу и без. Это что-то вроде местного развлечения. Ну и что будет, если их милорд вздумает мне отомстить? Получит хорошую взбучку, только и всего. Придя к такому выводу, я решил назваться.

– Меня зовут Хисп. Этого достаточно. Я очень надеюсь,

что больше вас здесь не увижу, эта деревня находится под моей защитой, так и передайте своему милорду. Если он попытается напасть на меня или моих крестьян, то последствия для него будут самыми печальными. Денег мне хватит, чтобы нанять хоть всех эхербиусов (воины при этих словах дружно вздрогнули), и тогда вашему господину останется совсем недолго жить. Кстати, как его зовут?

– Виконт Ардено де Кросс, сын Аркана де Кросса, – вразнобой ответили всадники.

Имя странноватое. Впрочем, в этом мире вообще с именами и названиями творилось что-то невероятное. В деревне, которую я сейчас назвал своей, жили Ярославы, Ильи, Святополки и, вместе с тем, были имена вроде Ролу, Хоны, Росси, а также обыкновенные американского типа – Джимы, Майки, Стэны. Складывалось ощущение, что от каждого земного народа в местном обществе были свои представители, и всех их перемешали. Это же сказалось и на обычаях, языках, внешности. От каждой нации было что-то свое. А с языком творилось что-то совершенно непонятное. Мне понадобилась неделя, чтобы разобраться, на каком я говорю языке. Определил я это чисто случайно. Если бы не попавшая в мои руки книга, написанная полностью на русском, и не Ярослав, жалующийся, что никак не может понять этот язык, я бы так и пребывал в полной уверенности, что говорю на своем родном, а меня все понимают. Увы, русский язык здесь был мертвым, и считалось, что именно на нем писались

все древние книги и трактаты о магии. И, похоже, это была чистая правда, хотя я еще точно не убедился в этом.

Вот такие мысли мелькали у меня в голове, пока я задумчиво разглядывал всадников, которые все не решались нарушить тишину. Видя их нетерпение, я взмахом руки показал, что они мне больше не нужны и могут скакать на все четыре стороны (чем они немедленно и воспользовались), а сам подошел к своему коню, который спокойно стоял у перил крыльца.

Животное тут же ткнулось мордой мне в руку, требуя ласки, и несколько минут я простоял, нежно глядя его, при этом тихо разговаривая. Повернув его голову к себе, так, чтобы видеть его глаза, я спросил:

– Ну и как мы тебя назовем?

Конь наострил уши, видимо, удивленный тем, что интересуются его мнением. Почему-то мне казалось, что он все прекрасно понимает.

Глядя ему в глаза, я думал. Он был настолько черный, что ночью его просто невозможно было бы найти. Он слился бы с темнотой. Идеальный для наемного убийцы или удачливого вора. Но я то не наемный убийца (хотя уже просто убийца) и не вор. Так что надо назвать, чтобы нравилось и ему и мне. Что до остальных, то мне было как-то все равно.

Да-а, красивый конь. Такой при свете хорошо виден изда- лека. А если бы в этом мире был снег (здесь единицы знают такое слово), то он был бы на нем, как черная точка на солн-

це. Хм... Снежок? Чем не имя?

– Как ты отнесешься к тому, чтобы тебя назвали Снежок?

Он, казалось, прекрасно был осведомлен о том, что такое снег. Даже замер на секунду, превратившись в черное извятие, а затем в его глазах появилось такое выражение, будто он сомневался в моем умственном развитии.

– Ну что ты так смотришь? Зато необычно! Так ты согласен?

Он явно задумался. Потом, пару раз всхрапнув, мотнул головой и ткнулся носом мне в плечо: согласен!

– Решено. Будешь зваться Снежком, назло всяким гадам, которые не верят в добрый черный цвет.

Еще погладив некоторое время теперь уже Снежка, я, немного повозившись, снял с него всю сбрую. Затем отпустил его в поле, после чего устало уселся на ступеньки крыльца. Определенно, этот день был один из самых паршивых в моей жизни, даже хуже, чем тот, когда я оказался в этом богом забытом мире (как раз он-то про этот мир не забыл). Мало того, что собственное тело «работает» в режиме "что хочу, то и ворочу", так я теперь стал убийцей. Я чувствовал, что, если останусь в этом мире, то вряд ли проживу спокойную и счастливую жизнь. Это понимание пришло после самой первой тренировки с Ярославом. Но, что еще было хуже, я сейчас переживал не оттого, что убил четырех человек, а от понимания, что я отнесся к этому совершенно равнодушно. Убей я, скажем, собаку, даже случайно, горевал бы, навер-

ное, с месяц, а вот убийство четверых людей совершенно меня не тронуло. Никаких угрызений совести!. Наоборот, в голову пришла мысль, что мне сегодня крупно повезло, и я заполучил потрясающего коня. Нет, с этим фактом я, конечно, был полностью согласен. Снежок, действительно, отличный жеребец, но от самого присутствия таких мыслей мне становилось еще хуже. Просидев на крыльце не менее получаса, я немного шатающийся походкой отправился спать. Сегодня было достаточно впечатлений для одного дня, большего мне не надо. Да и, может, контроль над своим телом завтра будет лучше?

Но лучше не стало ни завтра, ни послезавтра, ни даже через неделю. Точнее, лучше становилось, но – катастрофически медленно, и периодически проявлялись новые способности. Так, как-то выйдя в лес погулять (точнее как баран пошел, сам не зная зачем), я совершенно забыл про время, а когда стало темнеть, был слишком далеко от своего дома. Делать все равно было нечего, поэтому отправился в обратный путь, тут-то и началось самое интересное. Зная не понаслышке, какие хищники водятся в этом лесу, я старался идти как можно тише и незаметнее. В итоге умудрился выйти за спиной у лирса, местного аналога пантеры. Причем, как я знал, слух у него был просто «чудовищный». Разумеется, я сначала обалдел, затем растерялся, а потом сообразил, что надо делать ноги. К сожалению, я потерял нужную концентрацию и уверенность, и, соответственно, превратился об-

ратно в себя любимого (восемнадцатилетнего детину, который ходит с грацией слона). Стоило мне сделать шаг назад, как лирс обернулся на звук. Я сразу понял, с таким хищником голыми руками могу не справиться (говорили же идиоту, что в лес ходить без оружия – самый болезненный способ самоубийства). Единственное, что мне оставалось, так это действовать, причем быстро. Лирс, видимо, сам порядочно обалдел, из-за чего сидел на месте, глядя на меня. Считается, что к нему просто невозможно подойти так близко, чтобы он не услышал. Говорят, это проделывать могут только эльфы, причем у них есть что-то вроде экзамена, подтверждающего высшее мастерство, своего рода аттестат отличного лазутчика (разведчика, шпиона, воина, стрелка, охотника, нужно подчеркнуть – так как это лишь слухи, и я не уверен в их правдивости). Увидев, что лирс сам находится в прострации от удивления, я решил использовать этот шанс. Заорав и замахав руками, ринулся прямо на зверюгу. Это дало потрясающий результат! В той стороне, куда шарахнулось животное, образовалась чуть ли не просека. Лирс снес даже пару небольших деревьев. А я поспешил отправиться дальше (про лирсов говорят, что они не ходят по одиночке, но, к счастью для меня, на второго я не наткнулся). Минут через десять я вышел всего в нескольких десятках метров от своего дома, и тут же будто кто-то выключил мое зрение. Я стал видеть лишь слабый свет свечей в окнах дома, которые по вечерам зажигает Сина (служанка Ярослава). Домой пришел

практически на ощупь, хотя, когда шел по лесу, мог разглядеть любую веточку под ногами. Весь следующий день я пытался ходить бесшумно, но, как ни старался, ничего не получалось (к ничего не ожидавшему Ярославу подкрасться смог, а вот когда он внимательно прислушивался, уверенный, что я за спиной и крадусь к нему, то начинал меня слышать шагов за десять).

Точно такое же поражение я потерпел вечером, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в темноте. Как бы я ни напрягался или расслаблялся, но "глаза ночного видения" так и не "включились".

Впрочем, это меня не сильно огорчило, торопиться было некуда, времени навалом (слишком большое преуменьшение – как бы глупо это ни звучало, – но как еще можно охарактеризовать слово вечность?). К сожалению (хотя, может, и к счастью, а то мне надоело околачиваться в этой деревне), через две недели случилось событие, которое запустило "механизм моего приключения".

День начался, как всегда, отвратительно. С ненавистной утренней пробежки, зарядки и купания в местной речке (считалось, что вода в ней просто ледяная, на самом же деле она была чуть прохладной, но в мире, где снег лежит только на очень высоких горах, и о нем знают лишь единицы, речка была ледяной). Когда я вернулся, посвежевший после водных процедур, то увидел возле дома возбужденных селян во главе со старостой деревни, который что-то упорно втолко-

вывал мрачному Ярославу. Как выяснилось, дорогу в соседнюю деревню (или – город) где-то на полпути перекрыла банда разбойников. Так как деревня была самостоятельная и не принадлежала никакому лорду, то и жаловаться на этот факт было некому, кроме Ярослава. Как я уже сказал, проблема заключалась в том, что деревню отрезали от других селений. Но, честно говоря, я совершенно не видел смысла в таком перекрытии. Если Ярослав, едва дослушав до конца информацию старосты, стал спешно строить предположения, как избавиться от "этих гадов", то я как житель (бывший) технологически развитого, а потому логически мыслящего мира, начал с поиска причин. Я был совершенно уверен, что разбойники оказались здесь не просто так. Я бы понял их действия, если бы они сулили хоть какую-то прибыль, но перекрыть дорогу небольшому селу – зачем? Тут в другие деревни ходят очень редко, а когда дорога действительно нужна, так это после уборки урожая... которая, кстати, вот-вот закончится – если не сегодня, так завтра. Даже если брать время, когда часть урожая повезут на продажу, разбойникам от этого совсем немного прибыли, а вот для крестьян будет губительно. Эти деньги нужны им для того, чтобы купить самое необходимое, без чего не обойтись в повседневной жизни и не сделать легче свой труд.

Хорошенько все обдумав, я пришел к выводу, что разбойников просто кто-то нанял, чтобы они перекрыли именно эту дорогу и именно к этому селу. Когда староста с остальными

ми селянами, наконец, ушел под заверения Ярослава, что он разберется, я поделился с другом своими мыслями.

– Ты думаешь, их кто-то подкупил, да кому это надо? Тут же отродясь ничего не случилось, большинство местных лордов даже не знают о существовании этой деревни. Мы же никому ничего не сделали!

Вот оно! Конечно, как я мог забыть?!

– Говоришь, никому ничего не сделали? – вкрадчиво произнес я.

– Да! Мы жили тихо-мирно, а единственный раз, когда что-то случилось, был тот день, когда пришли солдаты виконта Ардено де Кр... – он замолчал на полуслове, уставившись на меня.

– Вот именно! Единственный инцидент был с этим Ардено, больше просто некому, да и не нужно никому. Что ж, я Ардено насолил, мне с ним и разбираться. Пойду собираться. – И я пошел в дом, оставив позади недоумевающего Ярослава.

На сборы я потратил совсем немного времени, поскольку собирать-то особо было нечего. Пара рубашек, штаны, теплая накидка, походные принадлежности, вроде котла, мисок, чайника, деревянных ложек, веревки, и – побольше еды, недели на две, хотя планировалась «прогулка» дня на четыре. Но лучше быть готовым ко всему. Все это я растолкал по походным мешкам, чтобы потом нагрузить на заводную лошадь, здраво рассудив, что, хоть у меня Снежок настоя-

щий «монстр» и может везти вес раза в три больше, но все же он – скакун, а не тяжеловоз. Да и зачем, если есть альтернатива? Отправиться я решил назавтра поутру, сразу после обычного отвратительного комплекса упражнений и приятного освежения после них в местной речке.

Утром я не спеша выехал из деревни по нужной мне дороге. Это была та же самая проселочная, по которой я пришел в деревню, поэтому первые часа три пейзаж повторялся в обратном порядке, хорошо запомнившимся мне. Единственным отличием стало уменьшение количества скота, а вместе с ним и собак, а также исчезновение лугов и появление на их месте чего-то вроде зеленых лужаек. Хотя нет, было еще одно отличие. Старик, который провел надо мной обряд посвящения в местные условия, как оказалось, вовсе не существовал. У кого бы в деревне я ни спрашивал о нем, мне вежливо отвечали, что такого тут отродясь не бывало. Я с этим вопросом умудрился достать абсолютно всех, когда же про старика ничего не удалось выведать, переключился на детину, у которого позаимствовал свою одежду. К моему удивлению, и здесь вышел облом. И про детину никто и никогда не слышал, а если учитывать расстояние до ближайших соседних селений, то версия о случайной встрече отпадала напрочь, а со стариком и вовсе не подходила. Он ведь жил в доме, а дом с собой не перетащишь. Спустя пару недель мне надоело выставлять себя перед всеми идиотом, поэтому я сходил на поле, где жил Занглиф. Вернулся только

через два дня, при этом не найдя даже похожей местности, не говоря уж о самом доме старика. Порядком этим озадаченный, я плюнул на все и с утроенным рвением взялся за изучение этого мира.

Главным предметом, естественно, было фехтование. Хотя и про другое не забывал. Например, сначала я совершенно не понимал, зачем надо было косить траву? Сено на зиму заготавливать не нужно, зима здесь полностью отсутствовала. Если, конечно, не считать "сильные похолодания", когда температура опускалась с привычной отметки плюс тридцать до плюс пятнадцать, и начинался сезон дождей. Это считалось самым холодным временем года и, действительно, они ходили в это время едва ли не в шубах и валенках. Конечно, здесь такого слова, как валенки, не знают, да в дождь они и ни к чему, но ходят в утепленных ботинках из кожи змеи (видел я этих змей; хоть они и травоядные, но размером с нашу взрослую анаконду). Так же шьют на это время непромокаемые утепленные плащи, сверху покрытый той же змеиной кожей (вообще здесь это универсальный материал, где его только ни используют). Только мне-то это было совершенно не нужно. То, что у них считается зимой, у нас – теплое лето, поэтому плащ я взял лишь для того, чтобы спать на нем (знал бы я, какие тут дожди!). Ну а скошенная трава используется в качестве удобрения. Раскидав ее по только что убранному полю, они перепахивают землю вместе с травой, а затем из ведер поливают все поле, только в обычную воду добавляют

какой-то порошок, который перерабатывает органику в высококачественные удобрения. В итоге, к следующему сезону посадки земля становится раз в десять плодороднее любого чернозема нашего мира, ну а про то, какой здесь собирают урожай, я вообще молчу. Стоит только добавить, что за последние лет триста в здешних местах ни разу не было голода. Все жили в достатке.

Наконец, спустя почти три часа после того, как выехал из деревни, я прошел памятное место, где впервые появился в этом мире. Под впечатлением от момента я достал флягу с местной брагой и, как полагается, немного отлив с нее на месте моего падения, выпил за то, чтобы все у меня было хорошо. Дальнейший же путь пролегал по лесу исполинских деревьев (эльфийских, как их зовут, но эльфов здесь уже давно нет, они перебрались чуть южнее; а может, и отродясь здесь никаких эльфов не было, мало ли что говорят). У меня содалось впечатление, что эту дорогу сделали великаны, но на самом деле был просто естественный просвет между деревьями.

Кстати, насчет просвета. Из-за того, что деревья стали располагаться с обеих сторон дороги, то казалось, что еду я не в разгар дня, а где-то уже под вечер, перед началом захода солнца. Раскидистые ветви деревьев перекрывали свет, поэтому путникам приходилось путешествовать в дневном сумраке. Честно говоря, меня в жуть бросало от одной мысли, что придется ночевать в этом лесу. Я даже на какой-то мо-

мент пожалел о своем упрямстве. Ведь настоял на том, чтобы ехать одному. Но момент прошел, и я по-прежнему двигался вперед (конечно, двигались Снежок и заводная лошадь, а я просто сидел в седле и анализировал свое состояние). Остановиться на ночлег мне пришлось задолго до запланированного времени. Просто, когда солнце начало опускаться к горизонту, стало темно почти как ночью. Здравомысленно рассудив, что если еще немного потянуть время и проехать дальше, мне придется испытать сомнительное удовольствие устраиваться спать в кромешной тьме. Поэтому, когда эта самая тьма наступила, я уже сидел около хорошего костра, рядом со спящими лошадьми и, ни на что не отвлекаясь, изучал трактат о магии какого-то Ирсено Арегантино. Не знаю, когда он жил, но на русском этот Ирсено писал практически, как мои современники. Даже похожие слова часто встречались, которые, я думал, здесь просто нигде нельзя было найти. Только вот значение этих слов было совершенно другим. Например, я сначала долго смеялся над словосочетанием "локальная сеть". Но потом выяснилось, что это конклав магов, которые объединились, для того чтобы сотворить какое-то особенно сильное колдовство. Почитав книгу до полуночи, я, подбросив в костер побольше хворосту, улегся спать под боком у Снежка.

Следующие четыре дня моего путешествия (далековато засели разбойнички!) особо ничем не отличались. Единственное, что скрасило время, так это книги. Хотя, если

честно, то я бы лучше с радостью почитал свою любимую фантастику, чем эти трактаты, но – чего нет, того нет. На пятый день я оказался на предполагаемом месте засады. Хотя должен был быть здесь еще дня три назад, но кто же знал, что так получится с этим лесом? Ехать по нему оказалось очень затруднительно, а как крестьяне попадали в другие деревни, я даже боялся представить, тут и дороги-то как таковой не было... Да и вообще, зачем жители деревни забрались в такую глушь? Хрень какая-то... но я тоже, идиот еще тот, мог бы и спросить. Тем не менее, мне никто про лес ничего не рассказывал... ну, практически не рассказывал, поэтому я не знал, что ехать по нему будет столь неудобно.

Где-то часа через два после того как оказался на предполагаемом месте разбойников, я, наконец, нашел этих гадов. Только вот совершенно не так, как ожидал. Я, как дурак, всю дорогу готовился к нападению, старательно выискивал засады, что не способствовало моему настроению и неблагоприятно сказывалось на скорости перемещения, а они, гады, даже засаду мне не устроили! Обогнув особо толстое дерево, я сначала слышал неясные звуки, постепенно переходящие во вполне различимые голоса, а спустя еще некоторое время увидел их обладателей. Было их человек десять, хотя я мог и ошибаться: может, где-то еще спрятались их братья по ремеслу. Но внимание мое обратилось не на разбойников, расположившихся кольцом, а на стоящую в центре этого круга фигурку. Не видя до этого момента ни одного эльфа, я по-

чему-то мгновенно уверился, что это именно он, а точнее — она.

Господи!! Что это было за создание!! Да любая мисс мира любого года покажется просто блеклой тенью, жалким подобием этой эльфийки! Ее красота просто "сбивала с ног, вырывала сердце, а потом еще добивала лежачего ударами ног по ребрам". Исходя из сравнения с разбойниками, она, по меркам этого мира, была довольно высока, наверное, где-то мне по плечо. Волосы ее были совершенно непередаваемого цвета, но больше всего выделялся зеленый оттенок. Фигура абсолютно идеальна и одуряюще соблазнительна. Но все это ни в какое сравнение не шло с ее лицом: таким, в моем представлении, пожалуй, должно быть лицо ангела. И последнее, что выделялось в ней, это были ее уши. Даже с такого расстояния я прекрасно видел, что они были длинные и заостренные кверху, что придавало эльфийке особое очарование (я ее сразу же для себя окрестил Ушастой); сейчас они настороженно ловили каждый звук.

Эльфийка была напугана, причем очень сильно, это было видно хотя бы по тому, как она дрожала (хотя это настолько гордые существа, что свой страх не покажут, даже умирая от смертельных ран (так в книгах говорится)). Она затравленно озиралась, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, всюду встречая похотливо скалящиеся рожи разбойников. Эти движения делали ее фигуру невероятно соблазнительной. Это происходило из-за облегающей одежды; пол-

ностью зеленого цвета, переливающегося от светлых сапожек до темной верхней части своеобразного комбинезона, она была все время в движении, обтягивая фигуру эльфийки, что давало потрясающий результат.

В какой-то момент я заметил, что она резко изменилась. Если сначала была сильно испугана, то теперь к ней пришло осознание того, что с ней сделают, а это для эльфиек было хуже смерти. Еще бы! Быть опозоренной грубым, тупым, грязным человеком, а тут целая свора таких. Тем более она так же прекрасно знала, что даже после этого ее не убьют, над ней будут издеваться, наверное, еще пару месяцев, пока им не приестся. Только тогда жалкую, замученную и опозоренную, ее соизволят убить (или продать), а во всех местных тавернах будут судачить о том, какие благородные люди эти разбойники. Дело в том, что эльфы и люди находятся в стадии "холодной войны". По негласному договору людям нельзя было появляться на эльфийской территории, а эльфам на человеческой. Если кто-то был пойман на чужой земле, то с этим человеком или эльфом вправе были делать абсолютно все, что заблагорассудится. Если, скажем, за эльфа практически во всех случаях требовали выкуп, то эльфиек никогда еще не отдавали назад, только один раз, можно сказать, вернули. Только лучше бы ее убили. Ее опозорили настолько, что Верховный совет эльфов пришел к решению убить ее, тем более она сама этого неистово просила, но самоубийство у них считается проклятьем, которое ложится на весь род,

если кто-то его совершил (таких прецедентов еще не было). В тот раз в роли палача выступил прадед эльфийки (если, конечно, это все правда).

В это время разбойники перешли от похабных шуточек к действиям. Медленно они начали приближаться к стоящей девушке, по ходу в красках рассказывая, что они с ней сделают и сколько это займет времени. И тут я понял совершенно простую истину: если хоть один из них до нее дотронется, то я убью абсолютно всех, и никакие молитвы и просьбы о пощаде им не помогут. Придя к этому заключению, я спрыгнул со Снежка с наибольшим шумом, на какой был способен (жаль, доспехов у меня нет, а то был бы грохот). Затем поправил мечи за спиной и вразвалочку подошел к слегка обалдевшим от неожиданности моего появления разбойникам.

– Ну-с, люди добрые, – весело начал я, стряхивая несуществующую пылинку с плеча, – что делаем? Девушку обижаем? Нехорошо обижать девушек, тем более таких. – В последние слова я добавил наибольшую угрозу, на которую был способен и, видимо, это у меня вполне получилось:

– Да мы что? Да мы ничего! – начал мямлить самый здоровый из них, но, видимо, услышав самого себя, встряхнулся и зычным голосом продолжил: – Девушек обижать не хорошо! В этом ты прав. – Ага, так я тебе и поверил! – Но это отродье эльфов, а не людей, или ты не заметил, брат?

– Да нет, отчего же? Заметил. – Я сделал вид, будто мне

это все настолько скучно, что дальше некуда, и потому начал полировать ногти о рукава. – Только вот сдается мне, что это все равно девушка. А из-за повышенной ушастости она только красивее. И не брат я тебе, гамадрил недоразвитый.

– Так ты что, за этих тварей?! – взревел здоровяк.

– Хм... ну как тебе сказать... – Я небрежным движением достал правой рукой первый свой меч. – Не то чтобы я готов умереть за них, – и делано покрутил перед собой фламберг, причем одной рукой, – но вот конкретно в этот момент и конкретно эту Ушастую я в обиду не дам. – Я достал второй фламберг теперь уже левой рукой.

– И как ты собираешься нам помешать? – зловеще (ХА! Это он так думал!) начал здоровяк. – Нас десять, а ты один. – Он постарался даже виду не подать, что на него произвело впечатление, с какой легкостью я обращаюсь с тяжеленными (это для них) мечами.

Он еще только доканчивал последнее слово, как я начал свое движение. Отзвучало «н» в слове «один», и на землю упали два обезглавленных тела ближайших ко мне разбойников.

– Смотри, – злобно усмехнулся я, – двоим уже непоздоровилось, головы у них разболелись, повышенное давление. Вас осталось всего восемь. – Еще два взмаха мечами (настолько стремительных, что они, наверное, даже ничего не заметили), и на землю рухнула вторая пара безголовых. – Ну вот, еще двое. Прямо эпидемия! Теперь вас уже шесть. Как же

нам быть? – притворно опечаленно говорил я, плавно смещаясь при этом в сторону здоровяка, чтобы иметь возможность покончить с главарем.

Обе мои «операции» заняли буквально несколько секунд. Эльфийка смотрела на происходящее во все глаза, не двигаясь с места, а разбойники никак не успели отреагировать, но начали осознавать, что дела обстоят неважнецки, несмотря на по-прежнему ощутимый их перевес в живой силе.

– Может, теперь разойдемся по-мирному? Вы мне отдайте остроухую, уходите с этой дороги, чтобы вас здесь никто больше не видел, а я извиняюсь за ваших убитых товарищей. Честно скажу, не люблю убивать, поэтому выбор полностью за вами. – Я демонстративно достал из кармана тряпочку, воткнув один меч в землю, протер тряпкой другой, после чего закинул его в ножны и взялся за первый, повторив то же самое.

Почти минуту они стояли, раздумывая, потом здоровяк заметил, что он ближе всех ко мне, а мечи мои убраны в ножны, радостно взревел и бросился на меня. Глупец тут же отлетел с метательным ножом в глазнице.

– Неверный ответ, – спокойно прокомментировал я его действия, затем, повернувшись к остальным, продолжил: – Почистите кто-нибудь мой нож, а то я слабонервный, как вижу кровь, мне еще хочется. Для меня это как наркотик: кровь, много крови! Люблю кровь!! – С каждым словом выражение моего лица становилось все безумнее, потом, вы-

хватив мечи, я сделал вид, что еле сдержался, чтобы не броситься в атаку, демонстративно глубоко вздохнув, бросил фламберги обратно в ножны. – Ну так как? Почистите мой нож?

Хм... кажется, перестарался. Они так бросились к своему бывшему главарю, что одного сбили с ног и чуть не затоптали, а за право почистить нож, даже разодрались. Видимо, в их представлении тот, кто вернет мне нож, останется жив, а остальных этот псих (я любимый) пустит в расход. Наконец, ко мне подлетел тот, кого вначале сбили с ног. Пока все дрались, он вытащил нож из глазницы своего бывшего босса и, хорошенько вытерев об его же одежду, вернул мне. Когда я спрятал его в своем правом рукаве, до остальных дошло, что драться больше незачем и не за что. Теперь передо мной стояли пять измороженных дракой человек (очень уж они старались выполнить мою просьбу), самым целым оказался тот, кто вернул мне ножик, причем он же был самым спокойным. Видимо, решил, что выполнившего столь «ответственное» поручение я уж точно не трону. Остальные же стояли с такими похоронными лицами, что мои губы сами собой растянулись в ухмылке. Как обычно в этом мире, меня совершенно не так поняли (эх... не признают истинного гения). Их лица из белых стали серыми, один даже начал чуть слышно шептать себе под нос, вроде как молитву. Решив, что лишние несколько трупов мне совсем ни к чему, особенно, если смерть будет банальной – от инфаркта, я заговорил вполне

дружелюбно:

– Ладно, люди, вы сейчас быстренько, но очень старательно, похороните своих товарищей, а затем уйдете из этого леса. Навсегда! В ваших же интересах, чтобы вы мне больше не попались на глаза.

В течение следующего часа я внимательно наблюдал за ними, но, по-видимому, ни у кого даже в мыслях не было послушаться меня. Так что через час возле дороги появились пять могил с вполне добротными крестами. (Кресты меня, честно сказать, удивили: не ожидал столкнуться здесь с христианским обрядом. Впрочем, может быть, они не имеют к христианству никакого отношения? Краем уха я слышал, что кресты были в ходу и у язычников, задолго до Иисуса Христа.) Как полагается, все постояли возле них минуту молчания, а затем разбойники затравленно уставились на меня, очевидно, думая, отпущу ли я их в действительности.

– Ответьте на последний вопрос и можете идти. Кто вас нанял?

Как я и думал, это оказался Ардено, похоже, недалекого ума человек. Он не стерпел оскорбления, нанесенного мной, и решил расквитаться. Может, у самого ума хватило, а может, кто-то надоумил, но вместо своих воинов (которые наотрез отказывались идти опять против нашей деревни) он подкупил разбойников, с которыми я и имел сомнительную честь сегодня общаться. После того как я, наконец, убедил этот сброд, что отпускаю их и не собираюсь стрелять из лука

вслед, бросать ножи или браться за мечи, чтобы убить всех, они ушли, скорее убежали. Судя по их поведению, подозреваю, что в этот лес их можно будет затащить только под страхом смерти, да и то не факт.

Когда из виду скрылся последний «бегун», я смог заняться эльфийкой. За все прошедшее время, пока я контролировал этих горе-воjak, она не сдвинулась даже на шаг (столь сильный шок?). Все так же стояла и изредка вздрагивала, только теперь смотрела с ужасом на меня. Конечно! Я же человек!! Что еще ей могло прийти в голову, кроме того, что я сам хочу поиздеваться над ней, поэтому и не отдал ее разбойникам.

Подойдя к ней поближе, я с интересом оглядел ее с ног до головы. У нее были зеленые глаза, как я и предполагал, миндалевидной формы. Не удержавшись, дотронулся до ее розовой щеки, но она дернулась так, будто ее ударило током. Больше таких попыток я делать не стал, хотя очень хотелось. Отойдя к своим лошадям, я снял фляжку с заводной и с наслаждением присосался к горлышку с родниковой водой, которая в этом сосуде сохранялась холодной достаточно долго, что не могло не радовать. Вдоволь напившись, я повернулся к уже более-менее пришедшей в себя эльфийке.

– Ну-с? Что будем с тобой делать? – произнес я жизнерадостным тоном, который совершенно не вязался с похоронным лицом ушастой красавицы.

Та подняла на меня глаза (я заглянул в них, и мое сердце

начало работать с перебоями) и произнесла таким мелодичным голосом, что я едва не впал в экстаз (как узнал в дальнейшем, из-за того, что я был рожден не в этом мире, у меня не было иммунитета перед очарованием эльфиек; впрочем, такое впечатление произвела на меня только эта, остальных я даже не всегда замечал):

– Пожалуйста, убей меня сразу, а потом можешь делать с моим телом все что захочешь.

– И тогда, спрашивается, на хрена я тебя спасал? – искренно возмутился я. – Чтобы потом самому прирезать? Да и в связях с некрофилами я еще не был замечен и не горю желанием быть замеченным. Нет, знаешь, Ушастая, убивать я тебя не буду. Может быть, разика два-три или четыре... а может, и вовсе пять-шесть сотен раз изнасилую, а потом брошу. Хе-хе... Ладно, шутки в сторону. Ты лучше скажи, как ты оказалась в такой компании? Новых ощущений захотелось? Тогда, может, зря спасал? Испортил все удовольствие? Столько изголодавшихся мужчин, столько удовольствия, а? Может мне их догнать и попросить вернуться? Тогда не против, если я буду первым?

Расчет был верен. Такого удара по своей гордости это создание снести не могло. Теперь ее трясло от едва сдерживаемого гнева. Но вот губы опять разомкнулись, и меня начали планомерно обвинять во всех смертных, бессмертных и еще хрен знает каких грехах. Причем она мне нанесла столько изысканных для этого мира оскорблений, что любой на мо-

ем месте, будь то нищий или хоть сам император, убил бы ее с особым садизмом (особенно последний). Но, поживи она хотя бы с месяц в моем мире, то поняла бы, что такого человека, как я, оскорблять совершенно бесполезно (многолетняя привычка ругаться вырабатывает иммунитет). Поэтому, пока она выплескивала свою ярость, я прислонился к дереву и просто наслаждался звуком ее голоса и любовался ею, не вникая в смысл сказанного (точнее будет сказать, я вообще перестал прислушиваться к словам, но сам голос слушал с удовольствием, большим, даже огромным удовольствием). Поэтому, когда она замолчала, недовольно открыл глаза, которые сами закрылись в упоении, и уставился на эльфийку.

– Чего замолчала, Ушастая?

О! Вот это кайф!! Еще десять минут слушал этот божественный голос (хотя как раз голос Бога я очень хорошо помню и слушать его мне не доставляло никакого удовольствия). Она мне старательно пыталась втолковать, что я жалкий хизард (местный вид таракана), и она бы даже побрезговала убивать столь никчемное создание. Через десять минут до нее, наконец, дошло, что собеседник пребывает в нирване и явно не вслушивается в ее слова, хотя она, бедняжка, так старается... Когда она вновь замолчала, явно растерянно, я со вздохом опять открыл глаза и отошел от дерева к своему Снежку. Минут пять мне потребовалось, чтобы половину вещей перевесить на своего любимчика и освободить место на заводной лошадке моей новоявленной знакомой. Та, не

зная, как реагировать на все, лишь стояла и смотрела на мои манипуляции. Придирчиво осмотрев укладку, я кое-что подправил, кое-что подтянул, а затем опять повернулся к своей подопечной:

– Ушастая, так ты, вообще-то, откуда здесь взялась?

– Я...я... убежала от своих!

Я даже не нашелся, что ответить на это. Эльф, который убежал от своих? Даже не эльф, а эльфийка! Может, соврала? Кому ни расскажешь, все равно не поверят, засмеют. Я про этот народ только читал и слышал, но и того было достаточно, чтобы я понял: такого не может быть, потому что не может быть вообще.

– Слушай, ты мне лапшу на уши не вешай. Говори правду!

– Но...но...я ничего не вешала! – сказала она с таким комичным недоумением, что я едва сдержался, дабы не захотать – Я действительно сбежала... – А вот последнее было сказано столь жалобным тоном, что все мое веселье мгновенно улетучилось, и я безоговорочно поверил в ее слова.

– Ну, ты даешь... Приключений на пятую точку захотелось? И что ты собираешься делать дальше?

– Я собираюсь? – видимо, она так ничего и не поняла.

– Ну, как показала практика, одной тебе ходить нельзя, поэтому говори, куда тебе надо или хочется.

Эльфийка сначала уставилась на меня как на полного психа (все-таки не зря я взял для имени анаграмму этого слова), а потом задумалась. Я не торопил. Пока она стояла в молча-

нии, я еще раз проверил, хорошо ли закрепил вещи на лошадях. Подтянул подпруги у обеих, а затем вскочил на Снежка. Взяв за поводья свою вторую лошадку, не спеша подвел ее к эльфийке. Та заметив, что я по-прежнему жду ответа, набрала в легкие воздуха побольше, чтобы что-то сказать, но посмотрела на меня и выдохнула сквозь сжатые зубы. Видимо, все еще не верила в благородность моих намерений. Я решил ей помочь, заговорив первым:

– Так ты посвятишь меня в свои дальнейшие планы? И желательно побыстрее, а то придется ночевать здесь же, а мне рядом с могилами не спится. Даже сам не знаю, почему...

Она опять собралась и выпалила:

– Можно, я поеду с вами?!!

О! О!! И еще раз: О!!! В ту минуту я больше всего походил на рыбу, которая оказалась на берегу. Чего-чего, но такого я не ожидал. Предполагал процентов на семьдесят, что она вообще откажется от моей помощи, а тут такое заявление. Поняв, что мой рот все так же открыт, поспешил его захлопнуть, затем, выждав некоторое время, чтобы полностью придти в себя, заговорил тихим ровным голосом:

– Ну, ты меня и удивила. Я конечно же совсем не против, чтобы ты поехала со мной, только, знаешь, мне хочется мило побеседовать с тем, кто послал сюда разбойников, и поэтому придется проезжать через поселения людей... Хотя это твое дело. Ладно, последние два вопроса: как тебя зовут и где твой лук?

– Меня зовут Солина из рода Охейл, а лук свой я еще не имею права носить.

– Права? – Я думал, что они с луком рождаются, а тут такая новость. – Так ты не умеешь стрелять?

– Умею! – Видимо, опять ее гордость задел. – Но, чтобы сделать свой лук, по закону нашего народа, надо достигнуть определенного возраста. Когда пройдут двадцать пять раз холодные дни, только тогда разрешается сделать свой собственный лук. Я родилась всего восемнадцать холодных дней назад, так что свой лук я смогу сделать только еще через семь раз холодных дней.

Холодные дни – это типа зима у них так зовется (точнее, жалкое подобие на оную), а также это значит, что эльфы считаются взрослыми после двадцати пяти лет, Солине же только восемнадцать. Хм... молоденькая попалась.

– Ладно, Ушастая...

– Солина!

– ...давай запрыгивай на теперь уже свою лошадку и поехали, а то скоро начнет садиться солнце и поздно уже будет куда-либо ехать.

Бросив ей поводья от заводной лошади, я развернул своего Снежка, и тронулся в путь. Через некоторое время сзади послышалось легкое цоканье копыт, наступающих на выпирающие корни деревьев, а еще через минуту рядом со мной пристроилась эльфийка. Так, никуда особо не торопясь, в полном молчании, мы и ехали по этому крайне недружелюб-

ному лесу. И, судя по тому, что я знаю о нем, ехать нам предстояло довольно долго.

Глава 3

Когда солнце начало опускаться к горизонту, я поспешил найти место, где можно устроиться на ночлег. Как всегда, такое местечко нашлось под деревом, между здоровенных корней. Быстренько насобирав хворосту для костра, я развел его, затем подогрел на нем немного мяса. Точно не уверенный, будет ли остроухая есть это, я также достал побольше хлеба, всякой зелени и лепешек. Но, как выяснилось, против мяса эльфийка ничего не имела, правда, ела она не в пример крестьянам, изящно, аккуратно, маленькими кусочками. Только вот когда я положил на тарелку свой кусок, она слегка удивилась (естественно, я же должен был схватить мясо грязными руками и, громко чавкая, пожирать его). Потом, видимо, не желая портить себе аппетит, отвернулась от меня, но не надолго. Привлеченная звуками льющейся воды, она опять повернулась и, увидев, что я мою руки, слегка ошалела (похоже, ожидала, что я не потрудился отойти подальше, чтобы справить нужду). Под ее пристальным взглядом я нарезал мясо маленькими ломтиками, и достав какую-то странную, в ее представлении, штуку (вилку; здесь даже не знают про такую гениальную вещь, я кузнеца извел вконец, пока он под моим присмотром не сковал ее из самого мягкого металла, который у него был), начал ей тыкать в нарезанные ломтики, ловко отправляя себе в рот и старательно пе-

режевывая. Другой же рукой в это время я держал толстенную книгу. Это настолько не соответствовало образу грязных, волосатых (и так далее по списку) людей, что она просидела с открытым ртом минут пять. Потом, наконец, вспомнив, что у нее тоже есть еда, продолжила есть, стараясь быть еще аккуратнее. Впрочем, это ей так и не удалось: она все же подцепляла мясо руками, а я вилкой. На протяжении всей трапезы Солина исподтишка разглядывала меня. Но я, как обычно, при чтении вообще мало на что обращал внимания, только изредка вспоминая про мясо на тарелке. Когда доел, сполоснул всю посуду и руки, затем, аккуратно упаковав, сложил в седельные сумки посуду и что не было съедено. А потом опять погрузился в чтение и вообще перестал на что-либо реагировать. Поэтому и пропустил тот момент, когда эльфийка улеглась спать. Зато когда я, наконец, оторвался от книжки, вспомнив, что теперь вроде как не один, тотчас вскочил, увидев, как она свернулась калачиком в небольшой ямке возле костра. Еле сдержав порыв рявкнуть на нее «Дура!», я чуть ли не зарычал от злости на эту ненормальную. Дело в том, что эльфы – самые мерзлячие существа во всем этом долбаном мире. Сон на голой земле даже в теплые дни для них может иметь самые губительные последствия. Сделав парочку глубоких вдохов, я еще для верности досчитал до десяти, чтобы полностью успокоиться, и только потом начал действовать.

Встряхнув свой плащ, на котором сидел, я постелил его

поближе к костру, а затем со всей возможной осторожностью и нежностью перенес спящую девушку на него. День у нее выдался очень тяжелый (кто бы сомневался!), так что она даже не проснулась. Накрыв ее сверху еще двумя своими рубашками, я достал также запасные штаны и, бросив их рядом со Снежком, уже привычно пристроился под боком у своего любимца. Хорошо, что в нашем мире я спал на одном-единственном матрасе и на полу, у Ярослава подо мной вообще было что-то наподобие простыни, а то так бы хрен смог спать на земле (хотя поначалу все равно было не очень). Кто хоть раз спал на полу или земле, поймет мои ощущения. К этому надо привыкнуть, зато, когда привыкнешь, уже становится все едино, на чем спать, главное при этом – чтобы было тепло.

Наутро я не стал будить свою попутчицу, вместо этого прогулялся к небольшому родничку, который проехали перед ночлегом. Прodelал немного сокращенную, чтобы не вспотеть, разминку и умылся. А потом, поскольку эльфийка так и не проснулась, уселся на корень, прислонившись к дереву, и продолжил вчерашнее чтение.

Пока я изучал только основы магии, но того, что прочитал, хватило на то, чтобы научиться зажигать небольшой огонек (мне и этого было достаточно, а то от кресала с трупом я каждый раз впадал в уныние). Причем это после прочтения пары десятков книг. Причины моего медленного обучения были две. Первая – авторы сами толком не знали что пи-

сать, не понимая, что важно, а что нет. Вторая – опять же в книгах. Невозможно чему-то научиться по учебнику, нужен учитель. Можно запомнить абсолютно все, но нельзя применить эти знания на практике без того, кто бы показал, как это правильно делается. Это равносильно тому, что по книжкам изучать восточные единоборства. Ты можешь запомнить все известные приемы, но это сделает тебя лишь увереннее в уличной драке, а против того, кто действительно изучал их, ты будешь все равно, что ребенок против здорового мужика. Если бы у меня были базовые знания, остальному я бы смог сам научиться, но для этого надо найти настоящего мага. Что в дальнейшем я и планировал сделать, а пока довольствовался книгами.

Спустя три часа проснулась моя спутница. Выбравшись из-под моих рубашек, она непонимающе огляделась. Затем, увидев мою ехидную улыбочку, со стоном повалилась обратно (точно так же было со мной наутро, когда я в первый раз проснулся в этом мире у Ярослава).

– Утро доброе! – жизнерадостным тоном поприветствовал я ее, прекрасно понимая, что для нее это утро какое угодно, но только не доброе. – Солнце встало, день чудесный! Где ж ты, мой кобель прелестный? Теперь давай быстренько вставай, рожу мыть и рожу бри... хотя... тебе только мыть. А потом легкий перекус и дальше в путь. И так из-за тебя потерял уйму времени.

Солина сначала покраснела – оттого, что столько спала,

затем до нее дошло, на чем она спала, и тут она стремительно побелела. Не знаю, что ей там пришло в голову, но она вскочила с такой скоростью, что я даже восхитился.

– Тебе надо было родиться хамелеоном. С твоим искусством менять цвет и скоростью, тебе бы не было равных.

К сожалению, мой сарказм ушел впустую или почти впустую. Наверное, вспомнив, что именно она напросилась в попутчики, а не я, Солина старалась не обращать внимания на мои слова, аккуратно складывая в седельную сумку вещи, на которых спала. Затем, взяв фляжку с водой, скрылась минут на десять за ближайшими деревьями. Я же за это время потушил и закопал костер, предварительно оставив немного еды эльфийке, а потом, пока она ела, сложил оставшиеся вещи и взобрался на Снежка,

После двух часов молчаливой поездки, я от скуки решил завести разговор. Читать уже надоело до жути, а тут такая особа рядом. Придя к выводу, что ничего плохого в этом не будет, я, повернувшись к ней, произнес:

– Ушастая...

– Солина!

– ...почему ты сбежала? Это, конечно, не мое дело, но раз уж я спас тебя, да еще в попутчицы взял, то, может, расскажешь?

– Меня хотели отдать в другой род, – сразу ответила она. Честно говоря, не ожидал, что ответит.

– Отдать в другой род, это, по-нашему, пытались выдать

замуж против твоей воли?

– Да. У нас так не принято делать, но в нашем роду есть королевская кровь, и на меня это правило не распространяется.

– Та-а-ак... значит, ты у нас принцесса? Будущая королева? – ехидно протянул я.

– Нет. Я не принцесса, а шансов стать королевой у меня столько же, сколько у тебя стать императором.

– Класс! Значит, я уже точно говорю с будущей королевой.

– Хочешь сказать, что у тебя есть шансы стать императором? – В ее голосе прозвучало столько недоверия!

– Конечно! Надо быть оптимистом. – Я от рождения был скромным мальчиком.

– Может, ты еще хочешь сказать, что ты путешествующий сын императора? – Ну вот, опять недоверие.

– А если и так?

– Но это не так. Я точно знаю. – Интересно, откуда у нее столько убеждения?

– А может, все же сын? – Я опять попробовал сбить ее с толку.

– Нет. Я же из народа древних.

– Ну и что? – Видимо, я что-то не понял или про что-то забыл.

– Мы знаем, когда нам говорят правду, а когда нет. Про сына императора ты соврал. – Та-а-ак... я не понял... Она только что самодовольно улыбнулась? Не прощу! Правду,

значит, отличаешь от вранья? Посмотрим, как тебе это поможет.

– Давай на что-нибудь поспорим, что со мной тебе это не поможет? – Чтобы она ничего не заподозрила, сделал бесстрастную физиономию, типа меня все это нисколько не волнует. Хотя ехидно-предвкушающая улыбочка так и норвила напозлти на мою физиономию.

Остроухая колебалась всего секунду, но, видимо, прочно верила в свои способности.

– Я согласна. Если ты проиграешь, то ты будешь целовать мне ноги. – Естественно, ожидала, что я откажусь: ведь это считается признаком рабства.

– Отлично! Но если ты проиграешь, то ты меня сама поцелуешь в губы. Идет?

– Да, – хмуро отозвалась она.

Вот наивная! Во-первых, не уточнила какую часть ног нужно целовать, а с моей озабоченностью в отношении нее это чревато последствиями. Во-вторых, даже если я проиграю, то мне только будет в кайф, ведь это лишний шанс притронуться к ней, хотя она того не понимает. В-третьих, я не проиграю.

– Ладно, теперь давай проверим. Ты говоришь, что можешь всегда сказать, когда человек тебе врет? – не сдержавшись, я все же отпустил на волю самонадеянную улыбочку.

– Да. – Увидев мою ухмылку, она, кажется, уже начала сомневаться в своих способностях. Хорошее начало.

– Мне почти восемнадцать холодных дней.

– Ты сказал правду. Хотя, честно говоря, думала, что тебе намного больше. – Судя по ее растерянному виду, она не ожидала, что ее неожиданный спаситель столь молод. Может, даже младше нее. Хотя это вряд ли. Так как у них годы считаются немного не так, поэтому, когда мне по нашему времени исполнится восемнадцать, ей еще будет только семнадцатый год. То есть, сейчас ей, по-нашему, семнадцать.

– Неважно, сколько мне холодных дней. Главное, что я сказал правду, и ты ее узнала. Теперь следующее. Вот ответ, скажу ли я тебе сейчас правду? Ну-у... например, я командовал ордой нежити и полчищами орков. Я был предводителем лесных эльфов. Убивал драконов и дружил с ними. Я убивал дьявола в аду и умирал несколько десятков раз, но при этом никогда не умирал. Я был самым сильным магом, но опять же при этом я практически не умею колдовать. Я рубился на мечях с самыми сильными воинами мира, но мечи я взял в руки всего пару месяцев назад и никуда не уходил из деревни после этого. Я убивал сотни тысяч людей, но в тоже время первый раз убил человека только месяц назад. Вот теперь скажи мне, я тебе хоть в чем-нибудь соврал?

Совершенно невменяемая эльфийка прошептала ответ настолько тихо, что я еле услышал за перестуком копыт и звуками леса.

– Нет. Ты не соврал.

– Ну а теперь скажи, как я тогда мог в свои почти восем-

надцать лет все это успеть сделать?

– Не знаю... – На ее лице отразился ужас. Блин, подумаешь, подловил? Я же не виноват, что у них здесь нет такой потрясающей и одновременно ужасающей вещи, как компьютер. Всего-то вспомнил парочку игр. Например, дьявола в аду я действительно убивал и при этом много раз умер. Но зачем уточнять, что это была всего лишь игра? Наверное, я все же порядочная сволочь? Но, чтоб я сдох, если мне это не нравится!

– Ну вот. Сильно тебе помогли твои способности против меня? – Я был довольный, как кот, объевшийся сметаны – А я ведь тебе соврал во всем и опять же сказал полную правду без какой-либо лжи. Так что я выиграл.

Эх... ну вот... Что ты на меня так смотришь? Сжался! Ну, не виноват же я, что ты проиграла?! Ведь спорила по своей воле, я же не заставлял. А то, что тебе все говорили, что эльфу нельзя соврать, это не моя вина. Нельзя быть такой самоуверенной. Да и вообще я сволочь, так что жду свою награду. Я – порядочная сволочь! Ну, не смотри ты на меня так! Блин, я же сволочь? Ведь так? Или не так? Ненавижу эльфов! Ненав... обожаю эльфиек! Но почему ты на меня так действуешь? Как можно, смотря в эти глаза, хоть чему-то противиться? Да попроси ты меня сейчас вскрыть себе вены, я это с радостью сделаю! Еще и благодарить буду! Ненавижу этот мир! Ненавижу себя!

– Ладно, не хочешь выполнять свое обещание, тогда по-

меняем его. Согласна? – убитым голосом проговорил я.

– На что? – Как она оживилась! Видимо, не хочется целовать грязного, волосатого, противного... в общем, человека.

– Ты умеешь стрелять, как все эльфы? Без промаха?

– Да! – Ой, сколько у нас гордости! Ответила с достоинством императрицы, хотя я ни разу такой не видел, но думаю, она бы говорила точно так же. – Я лучшая в своем роду.

– Научишь меня?

– Это умение принадлежит моему народу! Никогда оно не достанется человеку! – Боже, сколько ярости в голосе! Пошутить, что ли? Например, насчет убийства дьявола? Может, остынет?

– Я и не говорил, чтобы ты учила всех людей. Научи только меня.

– Чтобы ты потом передал это знание другим? – Как мы, оказывается, умеем шипеть!

– Нет. Я могу тебе поклясться, что без твоего разрешения я никого не стану учить. – Говорил я спокойно: ведь не пытался ее обмануть.

– Ты сейчас сказал правду. Но откуда я могу знать, что это, действительно, правда? – Услышав в ее голосе нотку неуверенности, я поспешил продолжить:

– Я мог бы соврать тебе, но говорю искренне. Если тебя это успокоит, то я практически не могу соврать на конкретный вопрос, ответом которому служит только «да» или «нет». Так что, если поставить вопрос так: буду ли я кого-то

учить, то мой ответ: нет. Не буду!

После моих слов некоторое время эльфийка молчала, затем все же произнесла:

– Хорошо. Но мне все равно нужно сначала сделать лук. Нужен именно эльфийский, и то, ты никогда не сможешь научиться стрелять так же, как мой народ. Для этого надо быть эльфом или больше, чем просто человеком.

– Ну, не скажу, что я больше, чем человек, но что я очень необычный – это точно. Хотя это тоже, с какой стороны посмотреть.

На том и порешили. Пока в руках Солины не окажется эльфийский лук, она меня учить не будет. На этом наш разговор как-то сам собой закончился, а я через некоторое время полностью погрузился в себя, обдумывая сложившееся положение вещей. С одной стороны, Ушастая мне будет большой обузой, и лучше всего было бы от нее отделаться в ближайшей деревеньке или отвести ее до того места, откуда ей было бы ближе всего до своего дома и рода. С другой стороны, проведя в ее обществе всего ничего, я уже так к ней привязался, как не привязывался до этого ни к одной из девушек, которые у меня были, а было их немало. Даже более того, за все то время, что я провел с ней, только в самом начале, в первые несколько часов, в мою голову закрадывались мысли достаточно пикантного содержания, а теперь я балдел только от одного ощущения, что она рядом. Хотя, честно говоря, это было довольно странно, особенно, если учесть тот

факт, что у меня не было девушки достаточно долгое время. Впрочем, это положение я намеревался исправить в самое ближайшее время, возможно, в первом же попавшемся трактире, поскольку моему "главному думательному центру" грозило порабощение со стороны «вторичного», а это было бы очень нежелательно. И не дает покоя проблема с этим тупым виконтом "Ардено де Кроссовка". Не мог он с первого раза понять, что лучше бы ему было обо всем благополучно забыть и не лезть ко мне с этими разбойниками. Именно ко мне, так как он вряд ли имел что-то против самих крестьян. Но – как же, честь дворянина! Идиот!.. Хотя... я бы на его месте поступил точно так же. Нет, не так! Я бы пошел ЛИЧНО разбираться с тем, кто меня оскорбил. Если бы, конечно, был тем, кем являюсь сейчас, а вот кем является виконт, я не знал. Но то, что он был не шибко умен, это точно, иначе действовал бы по-другому или вообще никак не действовал. Все-таки, если бы меня задел какой-нибудь человек, и я, хорошенько оценив свои шансы, пришел к выводу, что не смогу с ним справиться, я бы не стал переть как бык на буфет, а выждал подходящий момент или развивался, учился и только затем отомстил. Но то Я, а то ОН. В общем, время покажет, что к чему.

Этим же вечером я поверг Солину в совершеннейший шок. На ночлег мы остановились на берегу небольшой речушки. Думаю, самое время сказать про еще одну особенность этого леса. Так как зимы здесь нет, то деревья не сбрасывают

сывают свою листву. И даже более того – чтобы заполучить листочек с такого дерева надо, во-первых, залезть на очень большую высоту, а, во-вторых, еще и отпиливать в буквальном смысле этого слова этот листочек у его основания. Перепилить или перерубить хотя бы ветку просто невозможно. Ее не берет абсолютно ничего. И по каким-то причинам деревья не «размножаются». То есть растут строго на определенной территории, и за нее не выходит даже корень. Чем вызвана эта особенность, никто не знает и не понимает.

В общем, из-за того, что деревья не меняют листву, речка была просто кристально чистой. Грех было не воспользоваться такой возможностью. Так что я устроил себе "банный день" вкупе с "большой стиркой". Сначала под молчаливое удивление Ушастой перестирал все свое белье. Видимо, она считала, что мужчина этим просто не должен заниматься. Побыла бы она студентом в моем мире, многому бы научилась. Зато, когда я и сам проторчал в воде (она была практически теплой), наверное, целый час, оттирая кожу песком с блаженной улыбкой идиота, девушка с потрясенным видом уселась возле костра, и не подавала признаков жизни все то время, пока я готовил ужин (что только усугубляло положение). Зато после того, как поели, она взяла мое уже высохшее полотенце и, подозрительно посмотрев на меня, скрылась за деревом, как раз за тем, за которым я и мылся.

Следующие полчаса превратились в сущий ад. Меня просто тянуло пойти посмотреть на нее, но, зная, что это может

окончательно повредить мою и так уже порядком расшатанную нервную систему, я стоически терпел. Но как же это было сложно! Правда, спустя минут двадцать мной овладела полнейшая апатия, и я уже вполне спокойно улегся рядом со Снежком, глядя в направлении дерева, за которым скрылась Солина.

Когда она вышла оттуда и злобно зыркнула на меня, я чуть не расхохотался. Все-таки эти бабы все одинаковые! Даже эльфийка, и та ничем не отличается, кроме своей божественной красоты. Хоть и гордости целый вагон с маленькой тележкой, а ведет себя точно так же, как любая девчонка нашего мира. Сначала беспокоилась, что пойду за ней, а теперь злится, что не пошел. Вот и пойми этих баб! Ну где здесь логика? Мужикам в жизни надо всего три вещи – поспать, пожрать и секса (это если мягко выразиться). А женщинам? А никто не знает! Даже они сами. Сначала хотят одного, а в следующую минуту уже другого. Вот пошел бы я за ней, и что? Мало того, что встретила бы меня визгом (хотя эльфийка, скорее всего, просто кинула бы что-нибудь поувесистее; готов поспорить, что она даже кое-что заготовила на этот случай), а потом еще и обматерила бы так, что уши в трубочку свернулись (правда, это присуще женщинам нашего мира, здесь еще таких высот не достигли, хотя сравнения применили бы довольно интересные и очень изобретательные). Зато из-за того, что не пошел, все равно обиделась и осталась недовольна. И где логика? Хотела получить доказа-

тельство, что ею восхищаются, что она лучшая, но при этом остаться чистой и невинной? Как говорят: я не виновата, он сам пришел! О, женщины! И с вами хреново, а без вас вообще никак. Причем настолько, что не будь вас вообще, всему был бы полный и безоговорочный конец. Так как все самое чистое и светлое, что делается в этом мире, делается только из-за вас и во имя вас. Правда, наравне с этим точно так же и все самое отвратительное происходит, так или иначе, по вашей вине...

Ладно, это все философия, вернемся к более приземленным проблемам. Главная из них – это еда. Из-за эльфийки она стала кончаться намного быстрее (хотя та и ела-то совсем чуть-чуть), и ее могло не хватить до конца этого леса, а живности здесь практически никакой. Только птицы, но они обитали в самой кроне деревьев и до них не добраться, так что остается одно – ускорять наше путешествие. Привалы придется делать как можно реже, а на ночлег останавливаться намного позже. Успокоив себя этими мыслями, я повернулся в сторону эльфийки. И сразу понял, что очень сглупил, перестирыв на радостях практически всю одежду. Эльфийка лежала только под одним полотенцем, и то, должно быть, мокрое, и ей этого явно было мало, так как она вздрагивала от холода, хоть и лежала очень близко от костра.

Блин! Одни проблемы с этой красавицей. Хотя не скажу, что они меня раздражали, скорее, наоборот, доставляли удовольствие. В такие моменты особо остро чувствуешь се-

бя именно мужчиной. Нехотя встав, я под настороженным взглядом эльфийки прошел к ее лошади за флягой с местной брагой. Достав оттуда же кружку, я наполнил ее чуть меньше, чем наполовину. (Брага эта была чем-то вроде крепкого пива и в этом мире являлась самым сильным алкогольным напитком. Правда, мне, чтобы ею упиться, надо было столько ее выхлебать, что становилось жутко от одной подобной мысли, зато для местных это был аналог нашей водки.) Положив фляжку на место, я подошел к девушке и, присев рядом с ней на корточки, протянул ей кружку. Солина сначала внимательно посмотрела на меня, затем, приподнявшись на локтях, наклонилась к кружке – понюхать ее содержимое. Видимо, запах заинтриговал, так как она сделала осторожный глоток, правда, тут же закашлялась. Несмотря на протесты, я заставил ее выпить все. Сполоснув кружку, затолкал ее в мешок с посудой и опять улегся, внимательно следя за эльфийкой. Некоторое время она еще вздрагивала, но потом, видимо, алкоголь сделал свое дело, так как она даже отодвинулась от костра, а минут через десять уже крепко спала. Я встал и, стянув с себя рубашку, накрыл ею Солину. Мое нынешнее тело жалкой простуды не боялось, а вот эльфийка запросто могла заболеть. Последнее, что я сделал, так это лег поближе к костру.

Следующие дни пять мы вставали, едва только солнце освещало верхушки деревьев, а ложились уже глубокой ночью. Пришлось двигаться даже в полной темноте. Я слезал со

Снежка и вел его на поводу. За эти пять дней я практически полностью научился контролировать свое зрение. Так что в темноте видел не хуже, чем днем. Кстати, Ушастая, по-видимому, тоже неплохо видела в темноте, хотя на это счет я у нее не интересовался, она на меня обиделась. Вот так всегда. Я ведь хотел как лучше! Ну, кто же знал, что у нее с жалкой полкружечки практически детского напитка будет такое похмелье? Да и вообще, главное – не замерзла. А остальное – мелочи. Вот только она так не считала и пребывала в полной уверенности, что я специально ее спойл, чтобы она помучилась. Я, конечно, садюга еще тот, но у меня даже мыслей таких не было.

* * *

Ночью пятого дня, последнюю ночь нашего пребывания в этом лесу, опять состоялась встреча «старых друзей».

На этот раз все было совсем по-другому. Я сидел в удобном кресле и в своем теле, напротив меня точно в таком же кресле сидел мужчина, которому можно было дать от тридцати до сорока лет. Между нами стоял стеклянный столик, на котором была расставлена разнообразная еда и один единственный графин с вином, вернее, я думаю, что с вином. Некоторое время я изучал своего потенциального собесед-

ника, а затем, придя к выводу, что физически он ничем не отличается от обычного человека, потянулся к графину:

– А где «здравствуйте»? Или хотя бы "можно, я попробую этот напиток"? Есть же элементарные правила поведения! – Хоть это и было сказано тоном неподдельного возмущения, я не стал обращать внимания. Все-таки существу, которому хрен знает сколько лет, возмущаться вообще не полагается.

– Привет! Так уж и быть, можешь угощаться.

– Братец, да ты наглец!

– Это мы еще в прошлый раз проходили или ты уже забыл? – Удобно развалившись в кресле, я с удовольствием потягивал божественный напиток, причем божественный как в прямом, так и в переносном смысле.

– А ты не забыл, как меня зовут? – вкрадчивым голосом и с ехидной улыбочкой спросил он.

– А ты и не назывался!

Видимо, таким ответом я его изрядно озадачил. Он некоторое время удивленно на меня смотрел, а потом, покачив головой, взял со стола яблоко и отхватил от него изрядный кусок. Некоторое время каждый наслаждался тем, чем хотел, я за это время успел ополовинить графин с вином, а мой оппонент схрумкать все яблоки, которые были на столе. Наконец, он опять заговорил:

– Я тебе назвался. Я говорил, что меня называют богом. – Он продолжил говорить, будто и не было никакой паузы.

– Вот именно! Тебя НАЗЫВАЮТ богом, но как тебя зо-

вут на самом деле, ты не сказал. – Оставив в покое вино, я с воодушевлением принялся уничтожать виноград из близстоящей вазы.

– Хм... ну, если смотреть с такой точки зрения, то ты, конечно, прав. Но тогда у меня нет имени. Да и кто бы мне его дал?

– Во! В прошлый раз мне было не до этого, но теперь безумно интересно, откуда ты взялся? – Оставив в покое виноград, я с интересом уставился на своего собеседника.

– Откуда? Это, конечно, достаточно интересный вопрос, но, видишь ли, я сам не знаю. Меня называют богом, но я им, по сути дела, не являюсь. Хотя, наверное, я есть что-то очень близкое к нему.

– Тогда еще один вопрос: сколько тебе лет?

Собеседник слегка поморщился, как будто у него резко разболелся зуб. Видимо, этот вопрос был ему чем-то неприятен.

– До хренища плюс до хрена и помноженное на просто до фи́га. Думаю, для тебя это будет лучше всякой цифры. Так как в числовом контексте мой ответ бы звучал как "бесконечность".

– Ну и еще один вопросик в отношении тебя, на этот раз последний. Твои эмоции? По моему разумению, тебе уже давно должно было все осточертеть. Столько лет жить! Это, с одной стороны, просто классно, а вот с другой – довольно паршиво. Так что в моем представлении я сейчас говорю не

с нормальным человеком, а с машиной, наделенной сверхъестественными разумом и возможностями. А так с тобой даже довольно приятно общаться, если ты не собираешься сделать или уже не делаешь какую-нибудь пакость.

Не знаю, что его так рассмешило. Может, мои размышления или последнее предположение относительно общения с ним, но ржал он как ненормальный. Пока этот псих припадочный приходил в себя, я успел изничтожить весь виноград.

– Блин, ну насмешил, – наконец, заговорил он, изредка еще подхихикивая. – Это же надо такое сказать! Это в твоём разумении мне много лет, а на самом деле я сейчас в самом расцвете сил, как у вас говорят. Если провести параллели, то мы с тобой почти одногодки, так что мне еще развиваться и развиваться, расти и расти.

Видимо, на моем лице отразились мои промелькнувшие мысли, так как взгляд моего собеседника резко стал подозрительным. А я всего-то подумал, что можно ему, в крайнем случае, бить морду и не думать, о том, что избиваешь глубокого старика. Правда, насчет того, кто кого будет избивать, – спорный вопрос. Но даже просто мысль о том, что я могу набить ЕМУ морду, заставляла меня чуть ли не светиться от счастья. Интересно, с чего бы у меня такое отношение к моему нанимателю? Или, точнее, шантажисту. Может, в этом-то все и дело?

– О чем бы ты сейчас ни подумал, чтобы больше я у тебя таких мыслей не видел! – притворно строгим голосом сказал

он.

– А я что? Я ничего! Так мечтаю... Кстати, о птичках, как мне все-таки тебя называть? А то как-то неудобно общаться, не зная, как обращаться к собеседнику.

– Что-то я не заметил, чтобы тебе это доставляло неудобство, – подозрительно проговорил он.

– Есть немного. Да, и я не верю, что ты можешь хоть в чем-то сомневаться. – Наконец, напившись и наевшись, я удобнее устроился в кресле, уставившись на своего собеседника затуманенными вином глазами. Тот, увидев мое состояние, слегка щелкнул пальцами (хотя, думаю, мог обойтись и без этого – фокусник, блин!) и все признаки сонливости (самое интересное, что на самом-то деле я спал и все это видел во сне) и легкого опьянения моментально испарились. Недовольно зыркнув на ухмыляющегося Творца, я откинулся на спинку кресла и положил руки на подлокотники, всем своим видом выражая готовность слушать.

– Насчет сомнений... ты полностью прав и полностью не прав, это как посмотреть, – начал он серьезным голосом, давая понять, что к его словам надо отнестись с должным уважением. – Я или знаю, или не знаю. Другого мне не дано. Точнее, дано, но таких ситуаций не встречалось. А разговор с тобой я веду для своего удовольствия. При этом я использую очень незначительную часть своих возможностей, иначе было бы просто неинтересно. Хотя есть и еще одна причина твоего присутствия здесь. Если бы я общался с тобой в твоём

мире, вернее сказать – в моем, – тут он нагло хмыкнул, – то мне бы потребовалось затратить на это слишком много сил, однако бывают случаи, когда я иду на такие траты. Хотя я и создал твой, этот и еще один мир, большего сделать я практически не могу. Нет, сделать-то я могу столько, сколько тебе и не снилось, но не там и не то (очень понятно объяснил, так понятно, что я ни хрена не понял). Я могу уничтожить все эти миры и создать новые (вот теперь понял). Могу просто создать новые. Могу сделать новые планеты, галактики, да что там – новые вселенные (м-м-м... а это разве не есть новый мир?), но я не могу повлиять, скажем, хотя бы на время. Или даже на простого человека. Это было бы нарушение правил (правил?). Я могу только поставить перед ним задачу и изредка помогать ему, направлять его. Но успех будет зависеть полностью от самого человека, и тут я уже ничем помочь ему не смогу. Если он не справится, то это будет полностью его вина, так как я ставлю только те задачи, которые имеют хоть какой-то шанс на успех, – он сделал небольшую паузу, как бы давая время мне осмыслить сказанное им, а затем закончил совсем другим тоном, просто лучащимся добродушием: – А насчет имени: можешь звать меня Дженус.

На некоторое время воцарилось молчание. Я пытался понять, как можно сносить и воздвигать целые миры и не мочь втемешить каким-то жалким людишкам то, что он хочет. И что это за правило?

– Это договор, который нерушим. – Похоже, мой собесед-

ник решил отбросить маску деревенского простака и начал отвечать на те вопросы, которые у меня только рождались в голове. Кстати, интересно, почему Дженус?

– На самом первом в мире НОРМАЛЬНОМ языке это дословно переводилось как "Тот, который видит все".

Да он еще и мысли читает!

– Нет, ты не прав. Я твои мысли не читаю, просто все, что ты думаешь, отображается в твоей мимике, жестах, сердцебиении, дыхании, тремоляции век, буквально все говорит о том, что ты сейчас думаешь. Ну, а у меня слишком большая практика, чтобы не понимать все эти движения. Чем лучше будешь контролировать себя, тем сложнее мне будет понять тебя. В идеале я вообще не смогу уловить ход твоих мыслей, даже если брошу на это все свои мозговые ресурсы.

Вот же зараза. Кстати, интересно, что это за договор, по которому нельзя вмешиваться напрямую в жизнь людей? И с кем он его заключил?

– Лучше тебе пока не знать ответа на этот вопрос. Гарантирую, он тебе не понравится. Но очень скоро ты о нем узнаешь. Тогда даже разрешу вволю на меня покричать.

Вау! Видимо, это действительно что-то очень для меня неприятное, раз тут дают такие разрешения. Ладно, думаю, теперь самое время спросить, зачем он меня позвал на этот раз. Не для того же, чтобы я набил себе брюхо и выступал в роли обыкновенного слушателя.

– Конечно, нет! – Блин, он мне перестал давать возмож-

ность даже открыть рот (хотя, с его стороны, это очень умное и продуманное действие). – У меня к тебе есть одна просьба (ага, как же, скорее добровольно-принудительный приказ): когда встретишь купца на постоялом дворе, прими его предложение. Он предложит тебе наняться к нему охранником до Хогарта, а ты согласишься.

– Я хотел навестить сначала одного козл... то есть нехорошего человека, который не понимает с первого раза. – Боюсь, что он мне опять не даст раскрыть рта, я выпалил это скороговоркой.

– Насчет этого не беспокойся, все решится там же, где купец предложит тебе сделку. – Похоже, его позабавила моя торопливость, так как это предложение он скорее прохихикал, чем сказал.

– Так ты еще и будущее знаешь?

– Нет. Просто имею возможность видеть всю картину целиком, что позволяет мне делать предположения о возможном развитии событий. Может, я и не могу влиять на людей (интересно, а что он тогда со мной делает?) и вмешиваться в их жизнь, но это не мешает мне изучать тех или иных личностей. Так что, проанализировав имеющиеся сведения обо всех, кто должен появиться на постоялом дворе, я сделал предположение, что тебя наймут охранником.

– Ладно, это все? А то за одну ночь я получил достаточно пищи для размышлений, боюсь, еще от какой-нибудь информации "зависну".

– Все. Хотя... осталась еще одна деталь. Совет, я бы сказал. – Он встал с кресла, как бы собираясь проводить меня до двери (которой тут и в помине не было), я поднялся вслед за ним, принимая условия игры. Кстати, столик с едой когда-то успел исчезнуть, а я даже не заметил.

– Думаю, один-единственный совет я еще смогу выдержать.

Он кивнул, а затем, положив мне руку на плечо, буквально заморозил своим взглядом:

– Держись своей эльфийки. Хватайся за нее руками, ногами и зубами. Если надо будет, перегрызи глотку хоть самому императору, но, главное, не отпускай ее от себя дальше, чем того требует необходимость. Только если она скажет, что род зовет ее, только в этом случае отпустишь. **НО!** Будь наготове, ей может потребоваться помощь, и, если ты не успеешь, я тебе **ЛИЧНО** голову оторву, а если упустишь ее именно ты, то я тебе покажу ад, про который ты так и не удосужился спросить. Может, это и мало похоже на совет, но иначе бы ты не понял. Я тебя выбрал неспроста. Таких, как ты, миллионы, сотни тысяч намного лучше тебя, а десяткам тысячам ты и в подметки не годишься. Только они уже достигли своего предела, а ты не достигнешь никогда. Эльфийка поможет стать тебе тем, кем ты можешь стать. А теперь иди. И помни все, что я тебе сказал.

Секундой спустя я проснулся. Но, в отличие от первого раза, меня трясло от страха. Того, что я увидел в ЕГО глазах, хватило, чтобы я понял, что такое АД. И попасть туда я не хотел. В этом аду нет ни палачей, ни пыток, ни огня, ни пресловутых чертей, там не было ничего из того, что хоть сколько-нибудь соответствовало моему представлению об аде, там была только БОЛЬ, БОЛЬ умирающего мира, и испытать эту БОЛЬ я бы не желал никому.

Из-за того, что сегодня был предположительно последний день нашего путешествия по лесу (спрашивается, зачем Дженус являлся именно сейчас?), я решил не будить девушку, чтобы она выспалась. Все то время, пока ждал, прокручивал, раз за разом, в голове все, что услышал из ЕГО уст. Там было слишком много того, о чем следовало хорошенько подумать.

Где-то часа через два эльфийка проснулась и непонимающе огляделась. Она уже привыкла, что мы отправляемся в путь чуть ли не раньше, чем всходит солнце, а тут уже было светло (насколько возможно в этом лесу). Потом, видимо, решив, что я проспал, повернулась в мою сторону, но, найдя меня бодрствующим и без всяких признаков сна, окончательно перестала понимать, почему мы до сих пор не в пути. Ради этого она даже изменила привычке последних дней и

задала мне вопрос по этому поводу.

– Ушастая, я бы на твоём месте радовался, что выпалась, а не задавал глупые вопросы. Теперь давай поднимайся и отправимся дальше. По моим прикидкам, до местного перевалочного пункта (большой деревни, можно сказать города, выросшего на перекрестке дорог) часа четыре пути, так что к обеду должны быть уже там. И еще. Постарайся держаться все время возле меня. Ведь у эльфов и людей вражда, так что тебя обязательно кто-нибудь попробует у меня купить, чтобы потешить себя. А если я не продам тебя (о, как побелела!), то попробуют украсть и где-нибудь изнасиловать (я бы сказал – стала пепельно-серой). А может, просто поиздеваться. Но почти наверняка изнасиловать, да еще их будет человек двадцать, хотя, может, и больше. (Он, и верно, садист!)

Еще минут десять я ей в красках рассказывал, что и как в случае чего будет происходить. Зато смог настроить так, что вряд ли она отойдет от меня дальше, чем на метр. При чем отчасти из-за того, что я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** говорил ей правду. Ведь эльфийки среди людей были только в виде рабынь, да и то недолго, а пересчитать их можно по пальцам одной руки. Так что придется очень постараться, чтобы Ушастую никто не обидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.